

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

«Ночной дозор»
Рембранта досконально
изучен. Но знаменитое
полотно продолжает
хранить свои тайны, из-за
которых даже сейчас гибнут
люди...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Легенда
о «Ночном дозоре»**

ЭКСМО

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Легенда о «Ночном дозоре»

«ЭКСМО»

2006

Александрова Н. Н.

Легенда о «Ночном дозоре» / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2006 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-50271-4

Сенсация – знаменитый «Ночной дозор» Рембрандта в Эрмитаже! Но в первый же день выставки с полотном, до этого не покидавшим Амстердама, случилось несчастье – на него набросилась какая-то женщина с ножом. Картина отправилась на реставрацию к Дмитрию Старыгину, который обнаружил – «Ночной дозор», привезенный в Петербург, вовсе не подлинник, а хорошо сделанная копия! А вскоре женщина, покушавшаяся на шедевр, покончила с собой, выпрыгнув из окна. Перед смертью она успела кровью нарисовать на асфальте странный знак – перевернутую шестиконечную звезду, вписанную в круг. Старыгин понял: это ключ и он приведет его к подлиннику легендарного полотна великого голландца! Книга также выходила под названием «Тайна “Ночного дозора”».

ISBN 978-5-699-50271-4

© Александрова Н. Н., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Наталья Александрова Легенда о «Ночном дозоре»

*– Кто он, знахарь иль картежник,
Что не гасит ночью свет?
– Капитан мой! То художник,
И клянусь, чуднее нет.
Никогда не знаешь сразу,
Что он выберет сейчас:
То ли окорок и вазу,
То ли дерево и нас.
Не поймешь по правде даже,
Рассмотрев со всех сторон,
То ли мы – ночная стража
В этих стенах, то ли он.*

А. Кушнер

Лидия Александровна на секунду прикрыла глаза.

Конечно, это был непорядок, так делать не полагалось, но от бесконечно перемещающихся, перемешивающихся, мелькающих перед ней человеческих лиц у нее начала кружиться голова.

Сегодня в Эрмитаже было немыслимое столпотворение, особенно здесь, где ей пришлось дежурить, – в Николаевском зале.

Еще бы, у них открылась выставка одной картины – и какой картины! Едва ли не самого знаменитого полотна в Европе, прославленного «Ночного дозора» Рембрандта!

Это была настоящая сенсация!

«Ночной дозор», ни разу не покидавший амстердамского Рийксмузеума, неожиданно совершил грандиозный тур по нескольким городам Европы. Так решено было отметить четырехсотлетний юбилей его создателя, Рембрандта Харменса ван Рейна. Мадрид, Флоренция, Прага и, наконец, Санкт-Петербург...

Понятно, что сегодня, в первый день экспозиции, в музее не протолкнуться.

Лидия Александровна открыла глаза.

Мелькание человеческих лиц становилось почти непереносимым.

Из ровного, монотонного гула приглушенных голосов выделялся голос дамы-экскурсовода:

– Название «Ночной дозор» закрепилось за этим шедевром Рембрандта только из-за того, что в течение многих лет картина покрывалась копотью от камина в зале заседаний военной корпорации Амстердама. В действительности дело на картине происходит днем, и первоначально она должна была называться «Отправление в дозор отряда стражников во главе с капитаном Франсом Баннингом Коком и лейтенантом Виллемом ван Рейтенбурхом». Только после реставрации, выполненной в 1889 году, проявился первоначальный цвет картины и стал понятен замысел Рембрандта...

Служительница потеряла виски, повертела головой. Ей неожиданно стало тяжело дышать, воздух музейного зала сделался густым и плотным, как болотная тина.

В углу зала стоял парень из музейной охраны, он лениво посматривал на толпу и время от времени что-то говорил в черную коробку переговорного устройства.

Лидия Александровна постаралась взбодриться, взять себя в руки.

Мальчик лет восьми чересчур близко подошел к картине, и служительница строго прикрикнула на него.

Дурнота не проходила, и к ней добавилось неприятное чувство, что сейчас что-то произойдет.

У нее не бывало прежде никаких предчувствий, воспитанная в строгом материализме женщина относилась ко всякой мистике неодобрительно и сейчас постаралась отбросить это недостойное ощущение.

Для верности она достала из кармана пузырек с лекарством, вытряхнула на ладонь маленький белый шарик и положила его под язык...

И в эту секунду произошло то, чего она больше всего боялась, то, что иногда она видела во сне.

Из беспокойного моря человеческих лиц выделилось одно – белое, как гипсовая маска, с бездонными черными зрачками, расширенными, как два окна во тьму.

Не сразу Лидия Александровна поняла, что лицо это – женское.

Она почувствовала только, что дурное предчувствие сейчас станет реальностью.

Нужно было что-то делать, как-то предотвратить надвигающийся кошмар, но на нее вдруг словно навалилась бесконечная свинцовая тяжесть. Она не могла шевельнуться, не могла отвести взгляда от белого безумного лица...

Страшные сны Лидии Александровны становились реальностью.

Она часто слышала от старых сотрудников музея о том, как двадцать лет назад, в 1985 году, маньяк пронес в зал Рембрандта склянку с кислотой и нож. Он спросил служительниц, какая из картин самая ценная в зале, и ничего не подозревающие женщины указали ему на «Данаю».

Маньяк подскочил к картине, выплеснул на нее кислоту и нанес холсту, как живому человеку, несколько ударов ножом.

Лидия Александровна представляла себе чувства тех сотрудниц, на чьих глазах произошла та давняя трагедия, представляла, что они должны были испытывать, глядя, как на их глазах погибает мировой шедевр...

И вот сейчас то же самое происходит с ней!

Женщина с неподвижным белым лицом вырвалась из толпы и шагнула к картине.

Шарик лекарства под языком начал делать свое дело, Лидия Александровна вздохнула и словно сбросила с себя заклятье. Она закричала и бросилась наперерез маньячке.

В руке незнакомки мелькнуло что-то узкое, блестящее.

К крику служительницы присоединились десятки голосов, но испуганные посетители шарахнулись в стороны, расчищая путь преступнице. Только Лидия Александровна двигалась ей наперерез.

Из угла зала побежал плечистый парень в черном костюме, но он был еще слишком далеко.

Лидия Александровна споткнулась, но устояла на ногах.

Преступница налетела на нее, попыталась оттолкнуть, взмахнула рукой с ножом. Она дотянулась до картины, вонзила нож в холст...

Но как раз в эту секунду охранник подбежал к ней, заломил руку за спину и что-то истошно закричал в свой переговорник...

Трель телефонного звонка раскатилась по комнате на тысячи маленьких колокольчиков, подобно ртути из разбившегося градусника. Телефон звонил раз, другой, третий, однако человек, сладко спавший на широкой деревянной кровати, даже не пошевелился. Тогда крошечные колокольчики снова собрались в один большой звонок, как ртуть собирается в шарик под веником хозяйки, и он зазвенел с удвоенной силой. Человек пошевелился, закрыл голову подушкой и затих. Но звонок проникал всюду, так что через некоторое время из-под подушки раздался полный муки стон, который совершенно не разжалобил проклятый аппарат. Наконец послы-

шался обреченный вздох, и одеяло зашевелилось. Но вместо человеческой руки показалась рыжая пушистая кошачья лапа. Лапа поиграла когтями, потом показалась вторая, а после – совершенно разбойничья усатая морда. Кот внимательно оглядел комнату, недовольно покосил на истерически трезвонивший телефон, распушил усы и вылез на поверхность. Кровать была широкой, так что хватило места улечься на спину и подрывать в воздухе всеми лапами. Человек под одеялом недовольно хрюкнул и закутался поплотнее. Телефон не умолкал, хоть тембр звонка изменился – похоже, аппарат сорвал голос. Кот перевернулся на живот и стал точить когти об одеяло.

– Василий, прекрати немедленно! – тотчас раздался сердитый окрик, и хозяин сел на кровати.

Не открывая глаз, он нашел аппарат и поднес трубку к уху, причем в перевернутом состоянии. Из трубки слышался панический женский голос. Мужчина потряс растрепанной головой, осознал неудобство и перевернул трубку.

– Дмитрий Алексеевич, голубчик! – едва ли не рыдала женщина. – Скорее приезжайте.

– Да что случилось, Агнесса Игоревна? – известный реставратор и эксперт Эрмитажа Дмитрий Старыгин с трудом узнал знакомый голос.

– Беда! Беда! – вскрикнула женщина.

– Кто-то умер? – спросонья ляпнул Старыгин.

– Зарезали! – бухнула женщина, которой, надо полагать, надоело выбирать выражения. – Картину зарезали! Рембрандта!

– Господи помилуй! – Старыгин выпрыгнул из кровати, мимоходом пнув кота, который с увлечением продолжал драть одеяло.

В волнении он совершенно забыл, что только в пять утра добрался домой из аэропорта, что был в командировке три недели, что теперь ему полагается отпуск и что он собирался использовать этот отпуск для работы над книгой. Управившись в ванной за десять минут, он поглядел в зеркало на проступившую седоватую щетину и махнул рукой – не до того сейчас. Что-то подсказывало ему, что медлить никак нельзя. Уже полностью одетый, он вернулся от двери и насыпал в кошачью миску сухого корма. Кот Василий, однако, к миске не подошел, поглядел презрительно и вышел из кухни, на прощанье брезгливо дрыгнув лапой, как будто вступил в лужу.

– Дмитрий Алексеевич, дорогой вы мой, на вас смотрит вся Европа! – говорила высокая сухощавая женщина с тщательно уложенными седыми волосами. – В буквальном смысле вся Европа! И даже весь мир!

Главная хранительница отдела голландской живописи молитвенно сложила руки.

Она никак не могла примириться с тем, что это произошло.

Великое полотно Рембрандта находилось в ее ведении.

Она считала это событие огромной удачей, вершиной своей музейной карьеры, надеялась написать серьезную научную статью или даже монографию об этой великой картине – и неожиданно удача превратилась в кошмар, в несчастье, в катастрофу.

Ну почему, почему маньячка с ножом набросилась на холст именно здесь, в Эрмитаже? Почему это не случилось где-нибудь в другом месте, по пути европейского турне картины – в Прадо, или в Уффици, или в картинной галерее Пражского Града... Нет, эта сумасшедшая не нашла ничего лучшего, как сделать это в Петербурге...

Дмитрий Алексеевич Старыгин отступил на несколько шагов и осмотрел повреждение холста.

– Не так уж страшно, Агнесса Игоревна, – проговорил реставратор, – один короткий разрез, с аккуратными краями. Вот тут внизу, как раз между сапогами лейтенанта. Я постараюсь сделать это за два-три дня. Будет незаметно...

– Только не торопитесь! – Седая дама округлила рот. – Ведь после вашей работы картину осмотрят эксперты страховой компании, чтобы оценить величину ущерба и размер страховки... поэтому важна не быстрота, но тщательность работы!

– Вы ведь знаете, что на эту картину уже дважды покушались, – продолжал Старыгин, внимательно осматривая края разреза, – в 1915 году некий сапожник, оставшийся без работы, вырезал кусок из правого сапога лейтенанта ван Рейтенбюрха, а в 1975 году бывший школьный учитель набросился на картину с хлебным ножом и нанес капитану Баннингу Коку и тому же лейтенанту Рейтенбюрху дюжину ран...

За разговором он придвинул к огромному станку, на который было натянуто полотно, передвижной прибор для ультразвукового исследования и склонился над его экраном.

Реставратор замолчал.

Он молчал еще несколько минут, и это молчание становилось все более напряженным, все более тягостным. Воздух в комнате словно наэлектризовался.

– В чем дело, Дмитрий? – Хранительница почувствовала его волнение и шагнула ближе. – Что-то не так?

– Не так. – Старыгин отступил в сторону, вынул из брючного кармана белоснежный платок и вытер пальцы. – Очень даже не так... Взгляните сами...

В это время дверь комнаты распахнулась, и в нее колобочком вкатился кругленький седенький старичок с младенчески розовым лицом и длинными, лихо закрученными усами. Он взволнованно сжимал маленькие ручки, на его лице было выражение радостного предвкушения, какое бывает у детей накануне праздника.

– Где она, Анечка? Дайте мне на нее взглянуть!

– Иван Филаретович! – хранительница повернулась к вошедшему. – Позвонили бы заранее, я встретила бы вас...

Иван Филаретович Крестовоздвиженский, занимавший пост главного хранителя голландской живописи до нее, был для Агнессы Игоревны высочайшим авторитетом.

– Что ты, Анечка, – он ласково улыбнулся и достал круглые очки в металлической оправе, – я вполне еще могу самостоятельно перемещаться... тем более в такой день... самый счастливый день моей жизни... день, когда я увижу эту картину...

Воздев очки на нос, старичок подкатился к картине, потом отступил назад, чтобы окинуть ее взглядом, и снова приблизился.

– Очаровательно, – проговорил он наконец с некоторым разочарованием в голосе. – Очень хорошая копия! Но где же подлинный Рембрандт?

– Копия? – как эхо повторила Агнесса Игоревна. – Почему копия? Это подлинник...

– Нет, – оборвал ее Старыгин. – Я как раз хотел вам показать...

– Нет, Анечка, это копия! – запальчиво воскликнул Иван Филаретович. – И ты должна была это сразу узнать!

Хранительница переводила взгляд с одного собеседника на другого, ничего не понимая.

– Барабан, Анечка, барабан! – Старичок подкатился к правому краю картины, туда, где из-за обреза холста, как из-за театральной кулисы, выглядывал барабанщик. – Барабан не прострелен!

– Боже мой! – Дама прижала руки к щекам. – Как же я не обратила внимания...

– Посмотрите сюда! – привлек ее внимание Старыгин.

Агнесса Игоревна склонилась над экраном ультразвукового сканера, увеличила резкость...

– Что это? – Она отстранилась, совершенно растерянная. – Под этими красками...

– Под копией «Дозора» другая картина, – проговорил реставратор, сдвигая раму сканера. Агнесса Игоревна едва ли не без чувств упала на стул.

– Но это же катастрофа! – прошептала она и смертельно побледнела. – Это же скандал мирового масштаба!

В дверь постучали, и вошел представитель пресс-службы Эрмитажа.

– Что мне сказать журналистам? – осведомился он. – Уже толпа набежала и телефоны обрывают!

Агнесса Игоревна прижала руки к горлу, как будто ей не хватало воздуха.

– Что, все так плохо? – испугался вошедший и сделал шаг ближе к картине.

Старыгин мигом втиснул свое крупное тело между ним и картиной, так чтобы ничего нельзя было рассмотреть.

– Пока не говорите журналистам ничего определенного, – твердо сказал он, – размеры повреждения уточняются.

Выпроводив опасного гостя за дверь, он велел Агнессе Игоревне взять себя в руки и немедленно обращаться к самому высокому начальству.

– Да, Анечка, теперь это уже не нашего ума дело, – подал голос Иван Филаретович.

В ожидании начальства Старыгин не терял времени даром. Через несколько минут он повернулся к искусствоведам и сообщил:

– Явно какой-то мифологический сюжет. Точнее скажу позже.

– Но холст...

– Холст семнадцатого века, – подтвердил Старыгин недоговоренную мысль. – Поэтому сначала и не обратили внимания...

– Боже мой! – Агнесса Игоревна снова побледнела и опустилась на стул. – Что же это... как же... что же теперь будет...

– Что будет – трудно сказать, – отозвался реставратор. – Я не Нострадамус. А вот что было – можно предположить: кто-то взял холст соответствующего времени и подходящего размера и выполнил на этом холсте приличную копию «Дозора».

На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

– «Прощание Гектора с Андромахой», – сообщил Старыгин через короткое время. – Если, конечно, я не ошибаюсь...

– Не ошибаетесь, голубчик, – подтвердил Иван Филаретович, который до сих пор безмолвно стоял за спиной реставратора. – Херман ван Свеневельт, современник Рембрандта. А вот где она хранится, то есть хранилась, – не скажу, запомятовал... склероз, знаете ли!

– Не кокетничайте, Иван Филаретович! – усмехнулась Агнесса Игоревна. – Не можете же вы помнить все обо всех голландцах семнадцатого века!

– Раньше помнил! – горестно вздохнул старичок.

– Не беда! – Старыгин отошел к столу с компьютером. – На что существует Интернет?

Он включил компьютер, дождался загрузки системы и пощелкал клавишами.

– Не верю во все эти новомодные штучки! – проворчал старый искусствовед. – Специалист должен полагаться на собственные глаза и руки... и на собственную память!

– Тем не менее, иногда это бывает очень полезно! – Старыгин повернулся и сообщил: – По данным Интернета, картина Хермана ван Свеневельта «Прощание Гектора с Андромахой» принадлежала к собранию замка Шварценфельд в Чехии...

– Тамошнего хранителя я знаю! – взволнованно проговорила Агнесса Игоревна. – Мирослав Пешта... надо созвониться с ним...

– Постойте, – прервал ее Старыгин. – Я же сказал, что картина принадлежала к собранию замка, принадлежала до июня прошлого года, когда она была среди ряда других произведений искусства продана с аукциона...

– Продана! – разочарованно протянула дама.

– Ну да, ряд полотен не самого первого ряда продали с аукциона. Приобрел «Гектора с Андромахой», а также три другие работы голландцев семнадцатого века некий коллекционер русского происхождения, проживающий в Карловых Варах...

Совещание высокого начальства состоялось здесь же, возле картины. Из простых смертных допущены к нему были Агнесса Игоревна и Старыгин, а также бывший сотрудник Иван Филаретович Крестовоздвиженский, которого в суматохе просто не заметили, – так тихо он себя вел. Собственно, суть совещания сводилась к тому, что все случившееся – ужас, кошмар и полная катастрофа. Самое главное – никто не знал, где была подменена картина, одно известно точно – до этого года ее никогда не вывозили из Амстердама, только перевешивали несколько раз. Сначала картина, которая называлась тогда по-другому, висела в здании стрелковой корпорации Амстердама и потемнела там от копоти и даже от прикосновения не слишком чистой одежды многочисленных посетителей, которые курили трубки, жгли коптящие сальные свечи и задевали ее нечищеными латами и мушкетами. От такого безобразного обращения картина потемнела, и потомки считали, что рота почетного караула на картине выступает в поход глубокой ночью, что, безусловно, несколько странно и не вписывается в образ жизни богатых амстердамских бюргеров.

А когда в 1715 году картину решили перенести в здание ратуши Амстердама, с ней и вовсе поступили варварски. Стена, где должен был висеть «Ночной дозор», оказалась слишком мала, так что практичные голландцы не придумали ничего лучше, как обрезать картину со всех сторон, да так сильно, что с правой стороны отсекали солидный кусок барабанщика, а с левой вообще исчезли два особенно невезучих персонажа. На этом варвары не остановились и продолжили свое черное дело, обкрютив холст сверху, так что с картины исчез кусок арки, а также урезав снизу полосу сантиметров в двадцать, так что здорово исказились пропорции.

Просто удивительно, каким образом огромная картина (приблизительно три с половиной на четыре с половиной метра), висевшая на виду, не стала добычей завоевателей, ибо времена были в Европе беспокойные – войны, бунты, беспорядки.

Впрочем, был один случай, когда «Ночной дозор» едва не вывезли из Голландии.

Во времена Великой французской революции в 1791 году в Лувре открылся первый публичный музей. Идея принадлежала еще Вольтеру и Дидро – музей должен был стать наглядной «энциклопедией культуры», своеобразным аналогом созданной французскими просветителями Энциклопедии. Так что Робеспьер и его соратники воплотили мечту классиков в жизнь.

Сначала они свозили в музей картины и скульптуры, реквизированные у местных «врагов народа» – французского короля и аристократов, но когда французская армия вторглась в Европу, Конвент подписал указ о том, чтобы забирать предметы искусства в странах, захваченных революционной Францией.

Однако искусство, принадлежащее народу, то есть муниципальную собственность, эмиссары Робеспьера не трогали. Таким образом и уцелел «Ночной дозор», который висел в ратуше, то есть принадлежал гражданам города Амстердама.

Однако после того, как картину перенесли в Амстердамский государственный музей, или Рийксмузеум, к ней относились бережно, лелеяли ее и гордились.

Перед тем как отправить бесценное произведение в тур по городам Европы, страховая компания произвела тщательную экспертизу и застраховала «Ночной дозор» на баснословную сумму в тридцать миллионов евро. Так что можно с уверенностью считать, что до отъезда с картиной было все в порядке.

Сейчас дирекция Эрмитажа срочно связалась со страховой компанией. Широкому кругу людей пока решили не объявлять о несчастье. Это же только просочится в прессу информация, сразу же Эрмитаж начнут осаждать случайные, просто любопытные люди.

Старыгин отправился писать официальное заключение о подделке, нужно было заполнить множество бумаг, а по дороге решил побеседовать с Лидией Александровной, той самой героической сотрудницей, которая дежурила в тот день в Николаевском зале и сумела остановить неизвестную женщину.

Проходя длинными служебными коридорами, Старыгин задумался, отчего все-таки так случилось. Отчего та женщина бросилась именно к этой картине Рембрандта?

Все тот же пресловутый комплекс Герострата? Стремление любым, пусть даже преступным, способом войти в историю? Или были у нее какие-то свои особые причины?

Он знал, что преступницу быстро схватили и увели из зала. Посетителей попросили выйти как можно быстрее, зал закрыли. Пока хлопотали над картиной, начальник службы безопасности Эрмитажа Легов допрашивал преступницу. Она ничего вразумительного не говорила, только трясла головой и стучала зубами. Вызвали врача, испугавшись, что охранник схватил ее слишком сильно и повредил женщине что-нибудь жизненно важное при задержании. Врач наскоро осмотрел ее, сделал успокоительный укол. Женщина перестала трястись, глянула не то чтобы осмысленно, но не так дико, и заговорила. Впрочем, ничего интересного не сказала, даже имени своего не назвала, только твердила, что *они* велели ей уничтожить картину. На вопрос, кто такие *они*, женщина не дала вразумительного ответа, снова начала трясти головой, как будто отгоняла невидимых мух.

Старыгин вспомнил, что тот школьный учитель из Амстердама, который повредил картину в 1975 году, тоже утверждал, что ему велели это сделать *они*, опять-таки ничего не уточняя. Скорее всего, известная картина просто притягивает сумасшедших.

– Смотри у меня, – меффрау Саския приподнялась на подушках и погрозила пальцем. – Если я только прознаю о твоих шашнях с господином...

На ее бледном от долгой болезни лице выступили мелкие капли пота. Она закусила губу и скривилась от боли.

– Как можно, меффрау! – Гертджи потупилась, как положено порядочной служанке, и попятилась к дверям. – У меня и в мыслях не было такого непотребства...

– Я вижу тебя насквозь! – с трудом выдохнула хозяйка и зашла в изнуряющим кашлем. – Ты спишь и видишь, как бы забраться в его постель! В нашу постель!

– Мне обидно слышать такие слова! – Гертджи сложила полные руки на фартуке и поджала губы. – Я порядочная вдова! Позвольте уйти, меффрау, меня ждет рыбак!

– Иди... – Саския отняла от губ платок с крошечным пятнышком крови, откинулась на подушки и прикрыла глаза в изнеможении. – Иди, но помни мои слова...

Гертджи присела в полупоклоне и выскользнула за дверь.

Чухоточная свинья! Собака на сене! Она уже одной ногой в могиле, а все туда же! Сама несколько месяцев не спит с господином, а он еще молод и полон сил! Нет, мы еще посмотрим, кто будет настоящей хозяйкой в этом доме!

Большой и богатый дом в фешенебельном районе на Сант-Антониесбреестраат очень нравился вдове трубача Гертджи Диркс. Он нравился ей гораздо больше, чем хозяин. После ее покойного мужа, бравого трубача Диркса, мейстер Рембрандт был, честно говоря, мужчина незавидный. С утра до вечера он торчал в своей мансарде, где располагалась мастерская, а если и выходил из дома, так таскался по лавкам старьевщиков и торговцев редкостями, где покупал за немислимые деньги всякую бесполезную ерунду – старинные одежды, никому не нужные и поеденные молью, дорогие ткани, оружие... якобы все это нужно ему для работы! А когда Гертджи напоминала ему, что рыбаку не платили уже две недели, он только отмахивался, как будто она говорит не заслуживающую внимания ерунду! Если уж говорить прямо, голова его была полна тараканов. Вместо того чтобы угождать богатым заказчикам, рисовать их так, как они пожелают, – кого-то сделать помоложе, кого-

то повыше ростом, и уж всех показать во всей красе, бравыми молодцами, как то принято в богатом городе Амстердаме, вместо этого мейстер ван Рейн на последней своей картине учинил форменное безобразие – расставил господ стрелков в неподобающих позах, как будто они не порядочные бюргеры, а бродячие актершики. К тому же он вырядил их в разные костюмы, вовсе не подходящие важным господам, и вооружил не поймешь как – так что минхейр Баннинг Кок, придя, чтобы посмотреть на то, как подвигается заказанная работа, долго вздыхал и неодобрительно покачивал головой. А это, всем известно, плохой признак.

Господа стрелки – важные, уважаемые в городе люди, каждый из них заплатил по сто гульденов, это очень большие деньги, и за эти деньги они вправе получить то, что пожелают. Если так пойдет и дальше, мейстер Рембрандт не найдет новых заказов!

А ведь говорят, что лет десять назад он был очень популярным художником, у него не было отбоя от заказчиков, и деньги текли к нему рекой... тогда-то он женился на меффрау Саскии, и на ее денежки купил этот замечательный дом...

Гертджи прикрыла глаза и представила, что станет хозяйкой этого дома, важной и уважаемой дамой. Ради этого можно еще немного потерпеть придирки Саскии, ради этого можно улаживать ее муженька со всеми его странностями.

Гертджи спустилась по лестнице, вошла в просторную кухню, где ее поджидал рыбник, почтенный господин Свааммер. Подумать только, ее, вдову трубача, пригласили в этот дом, чтобы ухаживать за детьми, а теперь на ее плечи переложили все хозяйственные заботы!

Придав своему круглому лицу строгое выражение, Гертджи приблизилась к рыбнику.

– Что вы принесли сегодня? – Она неодобрительно оглядела его корзину и удивленно подняла светлые брови. – Как? Опять одна селедка да в придачу пара тощих щук? Вы меня удивляете, минхейр Свааммер!

– А чего же вы хотите, меффрау? – Рыбник осклабился. – Сколько уж вы мне задолжали?

– Подождите еще пару дней. Мейстер ван Рейн получит плату за картину от того итальянского господина и за все рассчитается...

– Или опять накупит на эти деньги каких-нибудь... редкостей! – возразил рыбник, поставив корзину на черно-белый, как шахматная доска, кафельный пол.

– Вот что я вам скажу, меффрау! – в его голосе послышались доверительные, задушевные интонации. – Зря вы гробите свою молодость и красоту в этом доме! Вы вдова, и я вдовец, и мы с вами могли бы отлично поладить...

– До свидания, минхейр Свааммер! – холодно оборвала его Гертджи. – Надеюсь, завтра вы принесете что-нибудь получше селедки!

Бр! Выйти замуж за рыбника – это уже крайность.

Его тусклые, как у дохлой трески, глаза, его холодные руки, и этот вечный, неистребимый запах рыбы... нет, никогда! Или уж только в самом крайнем случае, если не удастся стать хозяйкой этого богатого и красивого дома...

Рыбник поклонился и вышел, и почти тут же за дверью послышались знакомые шаги.

Сердце Гертджи неровно, болезненно забилось.

Она поняла, что пришел тот человек, чьи визиты вызывали у нее смутный, безотчетный страх.

Дверной молоток стукнул пару раз, и она, взяв себя в руки, устремилась к двери.

Действительно, на пороге стоял он, тот господин в черном, что в последнее время зачастил к мейстеру ван Рейну.

– Здравствуй, красавица! – приветствовал он Гертджи и уцепился за полный подбородок.

Рука его была холодной и равнодушной, как и его голос, как и весь его облик, в котором не было ничего отчетливого, ничего запоминающегося, ничего человеческого.

– Как, красавица, ты уже добилась своего?

– О чем вы, минхейр? – с трудом выдавила Гертджи, опустив глаза в пол.

– Отлично понимаешь, о чем! – усмехнулся Черный Человек. – Залезла в кровать к хозяину?

– Что за непотребство вы говорите! Хозяин женат, да если бы даже и не был – я порядочная женщина!

– И что с того? – усмехнулся гость. – Порядочные женщины тоже хотят красиво жить и чувствовать себя хозяйками в доме! И зря ты, красавица, так меня сторонисься, я ведь мог бы тебе помочь!

– Я вас не понимаю, минхейр! – прошептала Гертджи дрожащим голосом и сквозь опущенные белесые ресницы бросила на посетителя осторожный внимательный взгляд.

– Отлично понимаешь, красавица! – он снова уцепился за подбородок твердой холодной рукой и проговорил совершенно другим голосом, громким и деловитым: – Где твой хозяин? Мне нужно с ним поговорить по важному и неотложному делу.

– Мейстер ван Рейн в мансарде, в своей мастерской! – сообщила Гертджи и присела в полупоклоне. – Доложить о вас, минхейр?

Она надеялась, что он наконец назовет ей свое имя, но он опять ускользнул, верткий и неуловимый, как угорь:

– Не надо, я сам о себе доложу. У него там, конечно, как всегда, ученики?

– Только молодой господин ван Домер!

Черный Человек кивнул и направился к лестнице.

Гертджи проводила его взглядом и с удивлением осознала, что опять не может вспомнить его лица. Вот, кажется, он только что стоял перед ней, а она уже не может припомнить, каков он из себя.

– Ваше имя? – терпеливо повторил Легов.

Ответом ему было молчание.

– Ну что ж, это только осложнит ваше положение. Думаю, вы понимаете, насколько оно серьезно. Мы все равно установим вашу личность, современные методы это позволяют, а потом выясним и все остальное. Узнаем, кто толкнул вас на преступление.

– Они приказали мне, – настойчиво повторила хрупкая женщина, глядя прямо перед собой.

– Кто же эти они? – Евгений Иванович Легов в сотый раз повторил свой вопрос, буравя преступницу холодным пристальным взглядом. – Вам все равно придется выдать своих сообщников, и чем раньше вы это сделаете, тем лучше для вас! Ведь вы не хотите стать единственной виновной в том, что произошло?

– Сообщников? – женщина удивленно взглянула на Легова, и ее белое безжизненное лицо исказилось гримасой, отдаленно напоминающей усмешку. – Каких сообщников?

– Но вы же только что сказали, что они приказали вам это сделать! Приказали наброситься на картину с ножом и изрезать ее!

– Вы ничего не понимаете! – холодно отрезала женщина, и ее лицо снова окаменело, закрылось от внешнего мира, сделавшись недоступным, как банковский сейф.

Она и была чем-то вроде банковского сейфа, хранящего тайну удивительного происшествия.

Она не только не объясняла причины своего чудовищного поступка, не только не открывала имена предполагаемых сообщников, но не сообщила даже собственного имени.

Ее маленький рост и хрупкое телосложение не обманывали Евгения Ивановича, он знал, что такие миниатюрные, слабые на первый взгляд люди бывают на редкость сильными и упорными.

Но он и сам был крепким орешком.

Круглое лицо его казалось приветливым и добродушным, но оно могло обмануть только тех, кто никогда близко не сталкивался с начальником отдела безопасности Эрмитажа. Легов был человеком жестким, можно даже сказать – жестоким, а самое главное – чрезвычайно упорным. Так что в данном случае нашла коса на камень.

– Ну что ж, – проговорил он с деланным добродушием, откинувшись на спинку резного деревянного кресла. – Значит, вы не хотите ничего сообщить о своих сообщниках...

Женщина промолчала, и невозможно было даже понять, слышит ли она своего собеседника.

– А они, тем не менее, подставили вас...

На лице женщины не дрогнул ни один мускул.

– Ведь они не сказали вам, что картина, на которую вы набросились, была подделкой...

Легов рисковал.

Он выдал подследственной важную тайну, сообщил ей то, что до сих пор не знала ни одна живая душа, кроме непосредственных участников событий и руководства музея. Но он считал, что тайна не покинет стен этой комнаты, а такая важная новость может сбить спесь с подследственной и заставить ее говорить.

И он не ошибся.

Белая неподвижная маска, словно заменявшая хрупкой женщине лицо, вдруг растрескалась и перекосилась, как будто раскололась на тысячу маленьких кусков. Легов на мгновение даже испугался, что подследственная действительно рассыплется в прах, как упавшая на каменный пол фарфоровая статуэтка.

– Вы лжете! – выкрикнула женщина, и впервые за все время допроса ее взгляд стал осмысленным и ясным.

– Ничего подобного! – Легов лениво потянулся, делая вид, что разговор ему смертельно наскучил. – Рембрандт не имеет никакого отношения к этой картине, она подделана, хотя и довольно искусно. Так что вы совершенно зря разыгрываете здесь героизм. Это никому не нужно. Ваши сообщники вас вульгарно подставили!

Он встал, сделал пару шагов к двери и повернулся к хрупкой женщине, как будто внезапно вспомнил о ней:

– Подумайте немного, стоит ли играть в эту игру. Я вернусь через несколько минут и очень надеюсь, что вы будете вести себя как разумный человек.

Он вышел из комнаты, плотно закрыл за собой дверь и замер, как кошка перед мышинной норой. Он знал, что лед тронулся, подследственная сломалась. Узнав, что ее поступок был напрасным, бессмысленным, что она набросилась на фальшивую картину, она утратила внутреннюю опору, утратила уверенность в себе и теперь непременно заговорит.

Надо только немного выждать, дать ей созреть. Буквально несколько минут...

Как только дверь закрылась за Леговым, худенькая женщина беззвучно встала, покосилась на дверь и взялась за массивное старинное кресло черного дерева.

Кресло было необыкновенно тяжелым, просто неподъемным, но в хрупкое тело женщины словно вселилась какая-то нездешняя сила. Она подняла кресло, как пушинку, подбежала к огромному окну и бросила кресло в проем.

Огромное стекло, одно из немногих сохранившихся в музее розоватых зеркальных стекол восемнадцатого века, треснуло и разлетелось на мелкие куски, тяжелое черное кресло вылетело в окно и с грохотом обрушилось на тротуар. И сразу же вслед за креслом в окно вылетела хрупкая женская фигура.

Казалось, в ней было столько энергии, что женщина полетит не вниз, к земле, а вверх, в бледно-голубое весеннее небо...

Но неумолимая сила тяготения победила.

Женщина рухнула на асфальт среди обломков черного кресла.

Она еще несколько секунд была жива.

Перед ее глазами была серая поверхность тротуара, медленно темнеющая от крови.

От ее собственной крови.

И тогда, собрав остатки своей несокрушимой воли, женщина заставила свою правую руку немного передвинуться. Рука не слушалась, но женщина сжала зубы и принудила руку подчиниться.

Когда же наконец рука переместилась на несколько сантиметров вправо, женщина обмакнула дрожащий палец в собственную кровь и начертила на асфальте маленький загадочный значок.

Весенний день померк, и на глаза умирающей опустилась последняя тьма.

Легов услышал за дверью грохот и рванул ярко начищенную дверную ручку.

Неужели он просчитался? Неужели он недооценил подследственную?

Дверь не открывалась. Он наконец понял, что поворачивает ручку не в ту сторону, и тихо выругался: разве в его положении можно настолько терять самообладание?

Справившись с ручкой, он распахнул дверь и ворвался в собственный кабинет.

В первую секунду он его не узнал.

В кабинете было гораздо светлее, чем всегда, и в нем пахло свежестью, весной.

В следующую секунду Евгений Иванович все понял.

Огромное окно было выбито, и в него врвался весенний невский воздух и яркий свет.

Подбежав к окну, Легов перегнулся через широкий подоконник.

Внизу, под окном, среди обломков черного дерева, виднелась скорченная, изломанная фигура.

И вокруг нее расплывалось кровавое пятно.

Старыгину удалось побеседовать с дежурной Лидией Александровной только на следующий день. Она уже полностью пришла в себя и была полна праведного негодования.

– Нет, вы подумайте! – возмущалась она. – С ножом на картину! На мировой шедевр! А как она его пронесла мимо поста охраны на входе в музей, хотелось бы знать? Я Легову прямой вопрос задала, чего уж теперь стесняться!

– И что он ответил? – усмехаясь, спросил Старыгин.

Он не любил начальника службы безопасности Евгения Ивановича Легова и не считал нужным это скрывать, поскольку тому были веские основания.

Нельзя сказать, что раньше их отношения были безоблачными, Евгений Иваныч был не такой человек, чтобы общаться со всеми запанибрата. Хоть внешность у него была самая безобидная – небольшого роста, круглая лысая голова покоится прямо на плечах, настолько коротка шея, маленькие детские ручки... Но каждый, кто хоть раз заглянул в глаза Легову, сразу понимал, что перед ним человек решительный, который твердо знает, чего хочет, и использует любые средства, чтобы достигнуть своей цели.

Менее года назад Старыгин имел несчастье в этом убедиться. Сейчас он вздрогнул, как будто повеяло холодом. Да не из окна, выходящего на набережную Невы, где синее неяркое, словно вылинявшее, апрельское небо отражалось в воде, не полностью освобожденной ото льда, а из глубины веков. Он вспомнил тот кошмар, в котором находился десять дней, когда из Эрмитажа пропала одна из картин Леонардо да Винчи – бесценная «Мадонна Литта». До сих пор Старыгин не понимает, как удалось тогда сохранить пропажу в тайне те несколько дней, пока искали картину. Но Легов тогда повел себя далеко не лучшим образом...¹

¹ См. роман Н. Александровой «Ученик да Винчи».

– Да что он ответил! – махнула рукой Лидия Александровна. – Сказать-то нечего! Плохо работает охрана, вот что я скажу! Ну, стоит у них контур этот на входе, так все подряд идут – и ни у кого не звенит. Тут уж если кто пулемет понесет или прямо на танке поедет, тогда, может, трезвон начнется. А на ключи, к примеру, не реагирует прибор... я раз пошла через тот вход с ключами, так хоть бы что! Так и с ножом – протащила она его как-то. А могла ведь и баллончик с кислотой пронести. Как представлю – мороз по коже.

Старыгин согласно кивнул, вспоминая, как в аэропорту такой же контур срабатывает от ключей, мобильных телефонов, даже от металлических набоек на обуви, а в Париже его долго не хотели пускать в часовню Сен-Шапель, потому что за подкладкой кармана оказалась фольга от жевательной резинки.

– Одно слово – безобразие у нас творится! – в запале продолжала служительница. – Три года назад, помните, картину украли из отдела французской живописи?

– Помню, «Бассейн в гареме», – ответил Старыгин, – среди бела дня вынесли, и до сих пор не нашли ее, ни слуху ни духу...²

– Вот когда я про ту картину упомянула, как начал Легов на меня орать! – призналась служительница. – Вы, говорит, свои обязанности не выполняете, на работе спите. И за свою, говорит, преступную халатность вы еще ответите перед руководством. Я говорю – хорошенькая история, я, пожилая женщина, все-таки заметила неладное и хоть что-то предотвратила, а ваш-то охранник куда смотрел? А с этим, Легов отвечает, я сам разберусь, вы не вмешивайтесь не в свое дело.

– Хам какой! – не выдержал Старыгин.

– Вот-вот. И я тогда очень на него рассердилась и не показала ему вот это. – Лидия Александровна огляделась по сторонам, хотя в комнате кроме них никого не было, и достала из кармана сложенную вчетверо желтоватую бумажку.

Еще раз оглянувшись, она расправила бумажку, и Старыгин удивленно ахнул. Перед ним был схематичный рисунок «Ночного дозора». Фигуры на переднем плане были обведены контурами, причем не просто так – палка, палка, огуречик, вот и вышел человек... Нет, рисунок был сделан вполне профессионально – чья-то твердая рука одним уверенным росчерком карандаша изобразила две центральные фигуры – капитана и лейтенанта, за ними рослого плечистого знаменосца, еще одного импозантного стрелка с мушкетом слева, того, что на картине изображен в красном, затем силуэт девочки, чья фигурка видна из-за мужчины в красном костюме, а справа от лейтенанта, почти в самом углу картины – контур стрелка в шляпе с пышным белым воротником. И еще слева силуэт бравого сержанта с алебардой и в каске. Всего Старыгин насчитал на рисунке восемь силуэтов. Каждый был обозначен своим номером, но номера эти шли не по порядку – от одного до восьми, а вразбивку – третий, девятый, двенадцатый... двадцатый... Один номер был неразборчив – не то 13, не то 15.

– Что это? – Сам того не сознавая, Старыгин понизил голос. – Откуда это у вас?

– Вы не представляете! – прошептала в ответ Лидия Александровна. – Как только началась вся эта суматоха, то есть когда охранник ту маньячку скрутил, все бросились к картине. А меня ноги не держат, так и села я на пол. И вдруг подходит ко мне один мужчина, подняться помог, на стул бережно усадил, спросил, как себя чувствую. Я отдышалась немножко – ничего, говорю, спасибо вам, все в порядке. А он тогда сует мне эту бумажку – это, говорит, у той несчастной из кармана выпало, когда вы с ней боролись. Я взяла машинально, а пока развернула бумажку – его и след простыл.

– Не нашли его среди публики потом?

² См. роман Н. Александровой «Бассейн в гареме».

– Куда там! Понабежала охрана, всех нас как свидетелей опросили наскоро, потом посетителейпустили, а со мной уже Легов стал разговаривать – ну, про это вы знаете. Только того мужчины среди посетителей уже не было.

– А как он выглядел? – сам не зная зачем, продолжал спрашивать Старыгин.

– Прилично, – твердо ответила служительница, – средних лет, с бородкой, одет аккуратно, во что-то красное – не то свитер, не то куртка... не помню. Наверное решил уйти, чтобы потом на допросы не таскали, вот и отдал мне бумагу эту.

– А вы?

– А я так на Легова рассердилась, что вначале про бумажку эту и забыла совсем! – призналась Лидия Александровна. – А потом уж вернулась, можно, говорю? А он как рывкнет – не мешайте работать! Не видите – я занят! Вы, говорит, не одна у меня на очереди! Ну, я и пошла себе. А потом как раз это случилось, та женщина из окна выбросилась... Ну ясно, ненормальная... Я и думаю, что какая теперь разница? Ну, зарисовала эта сумасшедшая схему себе на бумажке, кто знает, что у таких в голове творится? Все равно ведь ее уж нет на свете? И картину, кажется, не сильно повредили. А к Легову больше ни за что не пойду, мне уже и так хватило! Он теперь злющий такой – еще бы, неприятности будут, не уследил...

– Ну ладно, я этот рисуночек возьму, мало ли, пригодится... – пробормотал Старыгин, свертывая бумагу.

– Попрошусь в какой-нибудь зал поспокойнее, – горестно вздохнула Лидия Александровна, – сил больше нету. В мои-то годы такие переживания!

Она была уже в том возрасте, когда женщина, вспоминая о годах, не ждет немедленных многословных уверений в том, что она еще достаточно молода и прекрасно выглядит, посему Дмитрий Алексеевич поскорее распрощался.

Однако странный рисунок не давал ему покоя. Хорошо бы, конечно, побеседовать с Леговым, узнать, что говорила та сумасшедшая перед смертью, возможно, это прояснит кое-что. В одном Старыгин был уверен – это вовсе не она сделала рисунок. У преступницы при жизни явно были проблемы с психикой – неуравновешенность, неумение сосредоточиться, мысли расплываются, руки трясутся... Здесь же чувствовалась твердая рука профессионала.

Запищал мобильный телефон – это Старыгина искала секретарь замдиректора Эрми-тажа.

В кабинете он застал неугомонную Агнессу Игоревну. В уголке тихонько пристроился Крестовоздвиженский.

– Дмитрий Алексеевич, – немного помолчав, обратился к нему замдиректора, крупный, необыкновенно полный мужчина, – мы вот тут посоветовались...

Чувствовалось, что слова даются ему с трудом. Старыгин сразу же заподозрил неладное. Когда начальство мнетя и вздыхает, ничего хорошего не жди! Либо поручат какую-нибудь срочную, муторную работу, либо ушлют в такую глубинку, что и телефонной связи там нету.

– Просто не знаю, как начать! – рассердился замдиректора. – Агнесса Игоревна, вечно вы меня втягиваете в авантюры!

– Дмитрий Алексеевич, голубчик! – Агнесса отмахнулась от начальства и ринулась в атаку. – Дорогой вы мой! Поезжайте в Чехию!

– Да что я там потерял? – От неожиданности Старыгин высказался не слишком вежливо.

– Не вы, а мы! – пылко воскликнула Агнесса. – Мы все потеряли! Картину Рембрандта!

– Ну-у, – Старыгин отвернулся и махнул рукой.

– Дима, я ведь серьезно. Ведь у вас еще виза действует, с тех пор как вы в Прагу ездили на конгресс, так? А я уже звонила Мирославу Пеште, он готов вас принять. Хотя вам, в общем-то, к нему и не надо, потому что Пешта обещал познакомить вас с доктором Абстом, это как раз

тот человек, кто хорошо знаком с русским коллекционером, который приобрел ту голландскую картину. Дима, ну, пока суд да дело, вы бы разузнали кое-что приватно, а?

– Но позвольте, ведь будет официальное расследование, я-то тут при чем?

– А при том, что в прошлом году... – запальчиво начала Агнесса Игоревна, но ее прервал замдиректора:

– Успокойтесь, и хватит бесполезных разговоров! Мы не можем никого заставлять! И вообще, идея эта была неверной! Пускай все идет своим чередом – завтра придет представитель страховой компании, они будут проводить расследование, а вы...

– А у меня вообще отпуск! – брякнул Старыгин.

– Просто сердце разрывается! – вздохнула Агнесса Игоревна. – Видно, пропала картина совсем. Какой позор для музея!

Поднявшись в мансарду, Черный Человек толкнул дверь мастерской и вошел внутрь.

Мейстер Рембрандт с мрачным лицом стоял перед огромным полотном и, прикрыв ладонью левый глаз, смотрел на фигуру в левом углу. Ученик, молодой Ламберт ван Домер, растирал краски.

– Здесь не хватает черного! – проговорил посетитель вместо приветствия.

– Вы думаете? – Рембрандт покосился на него. – А на мой взгляд, эта сторона и без того темновата!

– Попомните мое слово – со временем эта картина станет куда темнее! Гораздо темнее, словно дело происходит глубокой ночью. Впрочем, я пришел не для дискуссии о колорите вашей картины.

– Да? – язвительно осведомился Рембрандт. – А для чего же? Все, что вы говорили мне в прошлые свои визиты, было, прямо скажем, не слишком разумно!

– Каждый судит в меру своего разума. Попросите вашего ученика на какое-то время покинуть нас...

– Зачем это? – Рембрандт подозрительно окинул фигуру гостя. – У меня нет от него тайн!

– Вы ошибаетесь, – Черный Человек усмехнулся. – Вы что – рассказываете молодому ван Домеру и о ваших делишках с иностранными торговцами, которым тайно сбываете кое-какие работы, чтобы деньги не попали к вашим кредиторам?

– Ламберт, выйди! – торопливо проговорил художник. – Пойди к Гертдэжи, может быть, ей нужна помощь!

– Ей, безусловно, нужна помощь! – подхватил гость. – Правда, я думаю, что гораздо охотнее она приняла бы вашу помощь, а не молодого господина ван Домера...

Едва дверь мансарды захлопнулась за учеником, Рембрандт повернулся к гостю:

– Откуда вы прознали про те картины? Чего вы от меня хотите – денег?

– Нет! – Черный Человек усмехнулся одними губами. – Деньги мне не нужны! В отличие от вас. Ведь у вас, мейстер ван Рейн, большие долги, не правда ли? И за дом выплачено меньше половины цены... так что невинную шутку с иностранными покупателями вполне можно понять. Понять и простить.

– Что вам нужно? – повторил художник.

– Я ведь вам уже говорил... для начала мне нужно, чтобы вы поместили мое лицо на этой картине. – Он подошел к групповому портрету роты амстердамских стрелков, прищурился и показал в самую середину холста: – Допустим, где-нибудь здесь!

– Почему вы не пришли пораньше? – поморщился Рембрандт. – На начальном периоде я легко вписал бы вас в композицию. И взял бы недорого – те же сто гульденов, что с остальных...

– Господа стрелки не считают, что сто гульденов – это такие уж маленькие деньги! – усмехнулся Черный Человек. – Они думают, что могли бы за свои гульденны получить нечто большее.

– Они ничего не понимают! – Рембрандт вспыхнул и отошел к окну. – Это будет прекрасная картина, каких еще не бывало!

– Я же не спорю с вами, – примирительным тоном проговорил посетитель. – И я готов заплатить куда больше, чем господа стрелки. Что вы скажете, например, о пяти сотнях? А раньше прийти к вам я не мог, я был занят... в очень далеких краях.

– Пятьсот гульденов? – Художник оживился и внимательно пригляделся к заказчику. – Что ж, за пятьсот гульденов я мог бы несколько переменить композицию...

Произнеся эти слова, он неожиданно растерялся.

Лицо заказчика было каким-то странным. Он, опытейший и прекраснейший портретист, неожиданно понял, что не может ухватить его черты. Они были какими-то ускользающими, неуловимыми. Казалось, у этого человека вовсе нет лица или, наоборот, у него сотни, тысячи лиц, ежесекундно меняющихся, приходящих на смену одно другому. При этом лицо странного посетителя не было живым, подвижным... наоборот, оно казалось в иные минуты застывшей мертвой маской.

– Не беспокойтесь о внешнем сходстве, мейстер ван Рейн, – успокоил его заказчик, как будто прочел мысли художника. – Оно проявится само, так или иначе. Больше того, вы можете поместить меня в тени, за спинами у других персонажей, так чтобы виден был один глаз или небольшая часть лица...

– И вы все равно заплатите мне пятьсот гульденов? – недоверчиво спросил художник.

– Непременно! – Черный Человек приложил руку к груди. – Непременно заплачу! Правда, у меня будет к вам еще одна просьба... совсем небольшая, незначительная...

– Вот как? – глаза Рембрандта подозрительно сверкнули. – Так я и подозревал! Что же это за просьба?

Заказчик приблизился к художнику, взял его под локоть и что-то убедительно зашептал в самое его ухо.

Сказать, что Старыгин был не в самых лучших отношениях с Евгением Ивановичем Леговым, значило бы ничего не сказать.

Когда в Эрмитаже случилось невероятное происшествие, связанное с «Мадонной Литта» великого Леонардо, Легов попытался сделать из Старыгина козла отпущения. Дмитрию Алексеевичу пришлось тогда бежать, и только блестяще распутав ту загадку, он смог снять с себя обвинение.

Но не неприязнь Легова.

Впрочем, это чувство было взаимным.

И сейчас, направляясь к кабинету начальника службы безопасности, Старыгин испытывал не слишком приятные чувства.

Перед входом в кабинет Легова нервно курил высокий светловолосый парень. Старыгин узнал в нем того охранника, который задержал покушавшуюся на «Ночной дозор» маньячку.

– Шеф занят? – спросил Старыгин, показав глазами на массивную дверь кабинета.

Парень округлил глаза, загасил сигарету и вполголоса проговорил:

– Не ходите к нему сейчас! Он там в таком состоянии, что запросто может убить. Обменя сейчас чуть дорогую китайскую вазу не расколошматил.

– А что такое? – Старыгин приостановился: Легов и в спокойном состоянии не вызывал у него симпатии.

– Вы что – ничего не слышали? – Охранник опасливо покосился на дверь и перешел на шепот: – У него подозреваемая в окно выбросилась!

– Да знаю я! – Старыгин попятился и махнул рукой. – Уж весь город, наверное, знает!
– Между прочим, это я ее задержал, а шеф не придумал ничего лучше, чем оставить ее одну в кабинете! Психолог, блин! Думал, она там дозреет, как помидор на грядке, и все ему выложит. Ну, она дозрела... и в окно сиганула!

Парень нервно закурил новую сигарету и с интересом взглянул на Старыгина:

– А я вас знаю! Это ведь вы тогда шефа на место поставили, когда с «Мадонной» неприятность вышла!

– Было дело... – неохотно признался Старыгин.

– Я вам одну вещь хочу показать, – парень снова перешел на заговорщический шепот и отошел от кабинета начальника к столу, над которым ярко светило бронзовое бра. – Сейчас это дело у нас заберут, тут ведь насильственная смерть, так что милиция будет заниматься... но вот это вас точно заинтересует!

Он выложил на стол несколько крупных фотографий.

Старыгин наклонился над столом и невольно вздрогнул.

На всех фотографиях была мертвая женщина, в нелепой, противоестественной позе разметавшаяся на тротуаре. Ноги и руки ее были так неестественно вывернуты, как будто это был не человек, а сломанная кукла. Под мертвым телом растеклось большое темное пятно.

– Господи! – проговорил Старыгин. – Это... это она?

– Да, – довольно спокойно подтвердил охранник. – Но я вам хотел показать вот что... – Он отложил одну из фотографий и концом шариковой ручки показал на правую руку погибшей. – Посмотрите, это она нарисовала, прежде чем умереть...

Около правой руки на асфальте был криво нацарапан какой-то значок, что-то вроде вписанной в круг звезды.

– Это действительно нарисовала она? – спросил Старыгин, с трудом справившись со своим голосом.

– Конечно, – подтвердил парень. – Нарисовала собственной кровью. Палец еще двигался, когда к ней подошли. И он был в крови.

– Господи! – повторил Старыгин.

– Значит, это было что-то очень важное... – Парень склонился над фотографией, напряг глаза. – Я думал, может быть, вы знаете, что это за значок...

Старыгин сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, затем достал из кармана любимую старинную лупу и поднес ее к снимку.

На асфальте был начерчен круг со вписанной в него перевернутой шестиконечной звездой.

– Так я и думал...

– Что это? – заинтересованно спросил охранник.

– Это – символ, обозначающий колесо судьбы, – проговорил Старыгин, складывая лупу. – Один из Старших, или как их называют, Мажорных арканов Таро.

– Таро? – разочарованно протянул охранник. – Это ведь вроде такие карты?

– Таро, или Тарок, – это не только карты, это сложная система символов, которой около пяти тысяч лет. Эта система, по одним воззрениям, восходит к Древнему Египту, по другим – ее автором является легендарный основатель алхимии Гермес Трисмегист, или трижды величайший...

– В общем, сектанты какие-то! – вздохнул парень. – С этой публикой вечно жди неприятностей!

Старыгин неопределенно хмыкнул и распростился с охранником.

Желание общаться с Леговым, и до того не слишком горячее, окончательно прошло, особенно учитывая состояние заместителя по безопасности. Зато после разговора с охранником

Старыгин захотел увидаться со своей старинной знакомой, работающей в одном из отделов Эрмитажа.

Пройдя по узкому служебному коридору, он поднялся по лестнице на третий этаж и оказался перед высокой дверью с медной табличкой «Кабинет рукописей».

Старыгин позвонил, и через полминуты за дверью послышались торопливые, немного неровные шаги.

Дверь отворилась, и на пороге появилась невысокая сутулая женщина лет сорока. Увидев Старыгина, она радостно улыбнулась, и ее бесцветное невыразительное лицо неожиданно преобразилось.

Кажется, Лев Толстой говорил, что красивые люди – это те, кого красит улыбка, а некрасивые – те, кого улыбка портит. Если классик прав, то хранительница кабинета рукописей была необыкновенно красивой женщиной, во всяком случае, от улыбки она удивительно похорошела.

– Дима! – радостно воскликнула она. – Какой редкий гость! Заходи, я сварю тебе кофе!

– Тебе же пожарник не разрешает!

– А он не узнает! Знаешь, где я прячу кофеварку? В несгораемом шкафу для особо ценных документов! Надеюсь, ты меня не выдашь?

– Ага! – Старыгин рассмеялся. – Теперь мне есть чем тебя шантажировать! Если ты не будешь мне давать нужные рукописи...

– Ну вот, – женщина погрузилась. – Конечно, ты опять пришел исключительно по делу...

– Не обижайся, Танечка, но ты же знаешь, какие дела творятся в Эрмитаже! Ты же слышала, что произошло с «Ночным дозором» Рембрандта...

– Слышала... – Женщина вздохнула, повернулась и, слегка прихрамывая, пошла между двух рядов стеллажей, до самого потолка уставленных папками с бесценными рукописями.

В конце этого узкого коридорчика располагался ее рабочий кабинет. Собственно, это был не кабинет, а кусок свободного пространства, отвоєванный у стеллажей и шкафов, с письменным столом посередине. Единственной роскошью в этом кабинетике были два огромных окна – одно выходило на Неву, второе – на Зимнюю канавку и здание Эрмитажного театра. Знатоки считали, что вид из этих окон – один из красивейших в Петербурге.

Впрочем, Старыгин бывал здесь довольно часто и привык к этой красоте.

– Ну, так что тебе нужно на этот раз? – осведомилась хранительница с ноткой обиды в голосе. – Пособие двенадцатого века по разведению шелковичных червей или инструкция по ведению допросов для начинающего инквизитора?

– Не сердись, – Старыгин вздохнул и погладил Татьяну по руке. – Положение действительно очень серьезно... Мне нужна рукопись Франциска Падуанского, так называемый кодекс «Омега»...

– Никогда бы не подумала, что в сферу твоих интересов входит гадание... – фыркнула Татьяна, усаживаясь за компьютер и пробегая тонкими пальцами по клавиатуре.

– Это не совсем гадание, – поправил ее Старыгин. – Точнее, не только гадание. Это нечто гораздо большее...

– Все равно не понимаю, какое отношение это имеет к картине Рембрандта. Ну, это твое дело. Вот, я ее нашла: единица хранения... впрочем, этот номер тебя не интересует... стеллаж семнадцатый, полка шестая...

Она встала из-за стола и, заметно прихрамывая, подошла к одному из стеллажей. Привстав на цыпочки, достала с полки картонную коробку и бережно передала ее Старыгину:

– Тебя предупреждать не надо, ты и так знаешь, что работать с рукописью можно только здесь и обращаться с ней следует с чрезвычайной осторожностью.

– Конечно! – нетерпеливо отозвался Старыгин и осторожно выложил на стол стопку желтоватых от времени листов, исписанных крупным наклонным почерком, коричневатыми

выцветшими чернилами. Каждый лист манускрипта для сохранности был аккуратно запакован в прозрачную пленку.

Рукопись была написана на латыни, а этим мертвым языком Старыгин владел в совершенстве.

Он перевернул несколько страниц и начал читать, на ходу переводя латинский текст:

«Сию книгу составил Гермес Трижды Величайший, коего египтяне именовали еще Тотом. Он даровал сии знания людям мудрым и проницательным, передав им сию великую книгу, а также поместив двадцать две тайные картины в подземную галерею под одною из пирамид... коли кто из людей желал проникнуть в тайное знание, жрецы подвергали такого человека тяжким испытаниям, дабы проверить силу его стремления. И только один из ста, преодолев оные испытания, попадал в ту галерею и лицезрел те картины... и тот человек проходил Великое Посвящение, и позволялось ему прочесть сорок две тайные книги Гермеса Трижды Величайшего...»

– Что ты здесь пытаешься найти? – фыркнула Татьяна. – Какая-то средневековая мистическая ахинея...

– Постой. – Старыгин перевернул страницу. Теперь перед ним были изящно выполненные рисунки, краски которых почти не потеряли своей яркости за прошедшие века.

Первая картина представляла собою старца в темном одеянии, с жезлом в одной руке и кубком в другой.

«Первый из Великих арканов – Маг, – прочел Старыгин подпись под рисунком. – Буква, его обозначающая, – Алеф, число его – один, в книге Сефирот соответствует он Короне, алхимическое значение его – Земля, в астрологии нет ему соответствий... непосвященные называют его шутком, или ярмарочным фокусником...»

Следующий рисунок изображал женщину, восседающую на троне.

«Второй Великий аркан – Жрица, или Папесса... – продолжил Дмитрий Алексеевич. – Буква этого аркана – Бет, число его – два, в книге Сефирот его значение – Мудрость, в алхимии – Воздух, в астрологии соответствует ему Луна...»

Третий рисунок тоже представлял собою женщину на троне, но если одеяние Жрицы было простым и строгим, то у этой одежды из драгоценной парчи были расшиты золотом, а голову венчала усыпанная драгоценными камнями корона.

«Третий Великий аркан – Императрица, буква его – Гилель, число – три, в книге Сефирот ему соответствует Разум, в алхимии – Огонь, в астрологии – Венера...»

На четвертом рисунке был изображен Император, на пятом – Верховный Жрец...

– Ты собираешься прочесть мне всю эту рукопись? – поинтересовалась Татьяна. – Я, конечно, не против, но рабочий день скоро закончится...

– Нет, извини, – Старыгин оторвался от манускрипта. – Вот оно, то, что я искал, то, что она нарисовала на асфальте...

Очередной рисунок представлял собой вписанную в круг, или колесо, шестиконечную звезду.

«Десятый Великий аркан – Сфинкс, буква его – Йод, число – десять, в книге Сефирот соответствует ему Царство, в алхимии – Порядок, в астрологии – созвездие Девы... непосвященные именуют его Колесо Судьбы... истинное значение его – учение о целостности, единстве и законченности мироздания, о неразрывности и связи отдельных его составляющих...»

– О чем ты говоришь? – перебила его Татьяна. – Кто нарисовал этот символ на асфальте? Что еще за тайны мадридского двора?

– Прости, – Старыгин смущенно улыбнулся. – Я и так наговорил слишком много лишнего, а в многом знании, как ты знаешь, – многая печаль... Так что лучше тебе не знать об этих печальных событиях.

– Как хочешь. – Хранительница надулась и с обиженным видом уткнулась в экран своего компьютера.

Старыгин же достал из кармана листок, который отдала ему Лидия Александровна, сверился с ним и быстро выписал семь арканов: Императрица, Император, Правосудие, Отшельник, Повешенный, Башня, Страшный суд... Восьмая надпись была немного неразборчивой, это мог быть тринадцатый аркан – Смерть, или пятнадцатый – Дьявол.

Отметив про себя, что как тот, так и другой вариант из не слишком приятных, он записал на всякий случай символические значения обоих и вернул манускрипт Татьяне.

Она все еще дулась на него, но Старыгин не стал выяснять отношения и отправился в собственную мастерскую.

Там он раскрыл альбом с хорошей репродукцией «Ночного дозора», положил рядом с ней рисунок самоубийцы и принялся сличать оба изображения.

Центральный персонаж картины, командир муниципальной гвардии капитан Франс Баннинг Кок, был обозначен на схеме не первым, а четвертым номером. Если вначале это показалось Старыгину непонятным, то теперь, зная значения Старших арканов Таро, он понял эту логику: ведь четвертый аркан – это Император, а кто же, как не командир гвардейцев, должен носить это символическое звание!

Второй по значимости персонаж, лейтенант Виллем ван Рейтенбюх, был помечен на схеме номером восемь. Справившись со своими записями, Старыгин прочел:

«Восьмой аркан – Фемида, или Правосудие, соответствует букве Шет, в книге Сефирот обозначает славу, в алхимии соответствует распределению, а в астрологии – зодиакальному созвездию Рака».

Кроме этих двух, наиболее известных гвардейцев, на рисунке были помечены цифрами еще четверо мужчин. Знаменосец Ян Корнелиссон Вишер, хорошо видный на композиции благодаря высокому росту, был помечен числом двенадцать (которому соответствовал мрачный аркан Повешенный). Следующие по значению – сержант Рейнер Энжелен, расположенный в левом краю картины задумчивый мужчина в каске и с алебардой, и сержант Ромбут Кемп, хорошо видный в правой части композиции, в черной шляпе и кружевном воротнике, были обозначены соответственно числами шестнадцать и девять. Старыгин прочел, что девятый Великий аркан – Отшельник, или Незримый Свет. Буква его Тет, число его девять, в книге Сефирот символическое значение его – Форма, в алхимии – Посвящение, в астрологии соответствует он созвездию Льва...

Шестнадцатый же аркан – Башня, или Дом Божий, соответствует букве Айн, обозначает страх божий и соответствует зодиакальному созвездию Козерога.

Еще один гвардеец, очень хорошо видный на первом плане мужчина в красном камзоле и большой шляпе с пером, которого некоторые исследователи считают Якобом Дирксеном де Роем, был помечен числом двадцать.

Дмитрий Алексеевич прочел, что двадцатый аркан называется Суд, или Воскресение из мертвых.

Кроме того, маленькая, ярко освещенная фигурка то ли девочки, то ли женщины с белым петухом на поясе – одна из самых загадочных фигур на картине – была помечена цифрой три (Императрица).

И наконец, неразборчивое число, то ли тринадцать, то ли пятнадцать, было написано над еще одним таинственным персонажем картины, большая часть лица которого скрыта, и лишь один глаз виден за левым плечом знаменосца. Многие исследователи, в частности Сальвадор Дали, считали, что это – скрытый автопортрет самого Рембрандта.

В любом случае, этому загадочному персонажу соответствовали наиболее зловещие арканы: тринадцатый – Смерть, или Коса, с алхимическим значением Разрушение, пятнадца-

тый аркан – Дьявол, или Тифон, в астрологии связанный с созвездием Стрельца, а в алхимии – с магическим агентом, как иногда называли знаменитый философский камень...

Старыгин долго сидел над бумагами, стараясь упорядочить собственные мысли, однако это плохо ему удавалось. Ясно было одно: снова его против воли втягивают в нечто тайное и опасное. Еще бы не опасное, когда в этом деле уже есть одна смерть. Непонятная и таинственная. Неизвестная женщина выбросилась из окна. Для чего? Чтобы избежать наказания за свое преступление? Но ведь не приговорили бы ее к смерти! Скорей всего отправили бы в сумасшедший дом, как того ненормального, что повредил в свое время, около двадцати лет назад, «Данаю».

Она не пожелала рассказать, кто или что заставило ее изрезать картину, но, умирая, из последних сил нарисовала собственной кровью таинственный знак, который может привести к разгадке. Причем узнать этот знак мог только человек сведущий. Вот именно, вряд ли тот же Легов с ходу определил бы, что это такое. Сейчас дело о самоубийстве неизвестной уже передала милиции, возможно, там и заинтересуются знаком. И обратятся к специалистам. Хотя, скорее всего, не обратят на него внимания. Но во всяком случае пройдет довольно много времени, пока все разъяснится. Сейчас нужно решить, что делать с тем листком, который передала ему Лидия Александровна.

Старыгин представил, как он долго и упорно выясняет, к кому ему обратиться в милиции, потом пытается объяснить следователю, что такое карты Таро и как они связаны с картиной Рембрандта.

– Интересно, – сказал он вслух, – как я сумею это сделать, если и сам не понимаю...

В самом деле, получается не слишком понятная история. Какой-то неизвестный передал служительнице бумажку с номерами и сказал, что видел, как она выпала из кармана преступницы. Сам же тотчас исчез. Следователь не посчитает это заслуживающим внимания доказательством и будет прав. Ведь только Старыгину очевидна связь, он чувствует это интуитивно. И еще он знает, что теперь не будет ему покоя, пока он не разберется в этой истории.

«Очевидно, что среди моих предков были авантюристы и искатели приключений, – думал он с усмешкой. – Возможно, даже пираты и конкистадоры. Иначе каким образом я, человек спокойной, кабинетной, можно сказать сидячей профессии, умудряюсь попадать во всевозможные переделки?»

Пока что у него было две возможности: забыть про листок с номерами и символ, нарисованный кровью, сдать кота Василия на попечение соседки и уехать куда-нибудь в теплые страны. Или сказать всем, что уехал, а самому отключить телефон и проводить время в обществе книг и того же Василия. Второй вариант гораздо заманчивее... Но Старыгин знал уже, что он выберет вариант номер три.

Он поедет в Прагу – город необычайной красоты, город, где в самом воздухе разлит аромат тайны и приключения, город, где в свое время император Рудольф собрал со всей Европы множество колдунов и алхимиков. Император покровительствовал им, так как хотел получить рецепт изготовления золота. Из свинца или из ртути, он был согласен на все, потому что постоянно нуждался в золоте.

Именно в Праге находится знаменитая Староновая синагога, построенная в XIII веке, а ведь слово «Тарок», или «Тарот», означает то же, что и еврейское «Тора» – закон. Не случайно в колоде Таро двадцать две карты – ровно столько, сколько букв в еврейском алфавите.

И наконец, именно там побывал «Ночной дозор», перед тем как попасть в Эрмитаж, и именно в Чехии находился холст, на котором выполнили подделку.

Старыгин аккуратно собрал свои бумаги, запер дверь кабинета и направился к выходу. Он принял решение.

Лестница, ведущая на мансарду, закрипела под тяжелыми шагами.

Гертджи Диркс снова почувствовала неприятное сердцебиение и сухость во рту, по которым поняла, что тот человек в черном возвращается, переговорив с мейстером Рембрандом.

Действительно, он появился в холле, как всегда улыбаясь одними губами.

– Вот что, красавица, – проговорил он, поравнявшись с Гертджи и снова ухватив ее за подбородок. – Я тебе, пожалуй, помогу.

– Не понимаю, о чем вы, минхейр... – прошептала Гертджи, холодея от страха и от смутного предчувствия.

– Отлично понимаешь! – ответил тот и приблизил узкие, неприятно красные губы к самому уху Гертджи. – Она может еще очень долго проболеть! Может быть, год или даже больше! Неужели ты так и будешь ждать?

– Я не хочу вас слушать, минхейр... – едва слышно говорила женщина, пытаясь отстраниться, убежать, спрятаться от этого страшного человека, но руки и ноги не слушались ее, и она не сдвинулась с места.

– Ты видела, какие драгоценности лежат в ее перламутровой шкатулке? Видела, какой там чудесный розовый жемчуг?

– Не хочу слушать! – проговорила она куда громче и хотела заткнуть уши, но не смогла поднять рук.

– А ведь твоя молодость проходит! – продолжал тот, и его блеклые глаза смотрели в самую душу несчастной женщины. – Долго ли еще ты будешь молодой и красивой?

– Я не слушаю, не слушаю... – бормотала Гертджи, как молитву или заклинание. – Я не слушаю и ничего не понимаю!

– Слушаешь и понимаешь! – холодно отрезал Черный Человек. – И очень хорошо запомнишь мои слова. Ты пойдешь на Нийстраат, возле зеленого рынка, и спросишь там старую Кэтлин. Она тебе поможет. Она знает, что нужно делать в таких прискорбных случаях.

Гертджи попыталась перекреститься, но Черный Человек так зыркнул на нее, что рука снова бессильно повисла вдоль тела.

Он резко отстранился от Гертджи, и она едва не упала, как платье, из-под которого выдернули деревянную портновскую подставку.

Черный Человек еще раз взглянул на нее – холодно, внимательно, пристально, как на случайно залетевшее в дом насекомое, и улыбнулся – как всегда, одними губами.

– До свиданья, красавица! – промолвил он и направился к двери. – Так запомни – старая Кэтлин!

Когда полчаса спустя мейстер Рембрандт спустился из своей мастерской, Гертджи стояла в дверях, застегивая коричневый суконный влигер, отороченный недорогим кунным мехом.

– Куда ты собралась? – без особого интереса осведомился хозяин.

– На зеленой рынок, – проговорила Гертджи, подхватив корзинку. – Зеленик не принес майорана и базилика.

На табло зажглась надпись «Пристегнуть ремни, не курить». Соседка отложила журнал и взглянула на Дмитрия.

– Простите, вы не могли бы поменяться со мной местами? Боюсь, что голова закружится, если буду смотреть в окно...

«Сразу не могла сказать», – раздраженно подумал Старыгин.

Он устал, уже два дня почти не спал и непрерывно нервничал. Кроме того, он не успел толком позавтракать и теперь мучился голодом. Однако сделал над собой усилие и любезно улыбнулся соседке, поглядев на нее внимательнее. Была она белокура и румяна, кожа того фар-

форового белого оттенка, какой любили изображать голландские художники. Она чуть склонила голову, ожидая ответа, и Старыгину вдруг увиделось нечто знакомое в этой белокожести и пухлых щеках.

Однако, пока она неторопливо выплывала в проход, долго искала что-то в дорожной сумке, потом укладывала ее наверх, наваждение прошло. Дама оказалась не первой молодости, а может, просто слишком полна.

«Обычная белобрысая тетеха, – снова впадая в раздражение, подумал Дмитрий Алексеевич. – Небось будет весь полет с разговорами лезть, поспать не даст».

Старыгин пристегнул ремень и отвернулся к окну. Самолет оторвался от земли и набирал высоту. На душе было тревожно.

Он краем глаза поглядел на женщину в соседнем кресле. Она читала глянцевый рекламный журнал. И – что это? Он не поверил своим глазам. С журнальной страницы на него смотрела та же самая картина, о которой он думал третий день без перерыва. Ну да, разумеется, «Ночной дозор» Рембрандта!

Он придвинулся немного ближе и вытянул шею, чтобы заглянуть соседке через плечо. Прямо перед глазами оказалось аккуратное розовое ушко и белая шея, уходящая за воротник шелковой блузки. Пахнуло свежими духами – что-то весеннее. Мелькнула мысль, что женщина все же довольно молода – просто полна не в меру, оттого движения медленны и тяжеловаты.

И где же все-таки он видел это лицо?

Соседка с удивлением покосилась на него и сделала попытку отодвинуться, которая ей, впрочем, не удалась – не в проход же выезжать! Старыгин опомнился и извинился, потом схватил точно такой же журнал и торопливо нашел нужную страницу.

И ничего странного, никакой мистики, просто сообщают о выставке одной картины в Эрмитаже, которая открылась третьего дня. Открыли на свою голову!

Старыгин вздохнул и закрыл журнал. Ну что за невезение! В первый день – и вдруг варварское повреждение картины! Хотя после того, что обнаружилось далее, про повреждение как-то забыли.

Снова Старыгин вздохнул, да так тяжело, что соседка покосилась на него с тревогой. Он поскорее закрыл глаза и сделал вид, что дремлет.

Однако сон не шел – мешал шум моторов, чувство голода и грустные мысли. Зачем он летит в Прагу? Вряд ли удастся выяснить там что-то важное. Уж если неизвестные преступники сумели ловко подменить так усиленно охраняемый шедевр, то наверняка они тщательно замели следы. И он не найдет никаких концов.

По аналогии он вспомнил историю с мадонной Леонардо. Однако в тот раз он выступил очень даже неплохо! Но тогда ему помогала Маша – молодая журналистка, неглупая и в некоторых случаях весьма беспринципная, как и большинство ее коллег по «второй древнейшей профессии». Она-то не стеснялась по мелочи нарушать закон для того, чтобы добыть нужную информацию.

Старыгин улыбнулся, не поднимая век. После их совместных приключений зеленоглазая красотка написала книгу, которая сразу же стала бестселлером. А Мария, в свою очередь, стала ужасно популярной фигурой. Она часто появлялась на различных светских тусовках и поначалу пыталась таскать за собой Старыгина. Ему понадобилось совсем мало времени, чтобы понять: такая жизнь его совершенно не устраивает. Конечно, он был очень увлечен прелестной журналисткой и даже пошел по этому поводу на охлаждение отношений с Василием.

Кот страшно ревновал хозяина ко всем особам женского пола. Корректно относился он только к старушке-соседке, на чье попечение Старыгин оставлял Василия, когда уезжал в командировки.

Старыгин снова вздохнул, представив, сколько кошачьего презрения и капризов придется вынести по возвращении, и забеспокоился, не слишком ли часто он стал вздыхать. Да еще так тяжело, по-стариковски... Нужно брать себя в руки.

Чтобы отвлечься от пустых мыслей, он стал думать о «Ночном дозоре».

Рембрандт написал картину в 1642 году, и до сих пор искусствоведы всего мира спорят, зачем он это сделал. Картина должна была называться «Парад национальной гвардии». Художнику заказали групповой портрет корпорации амстердамских стрелков. Члены корпорации вербовались из рядов богатых и именитых граждан города Амстердама, на них лежала забота об общественной безопасности. Кроме того, стрелки осуществляли почетный караул во время приезда коронованных особ. Служба считалась престижной, командные должности в корпорации чрезвычайно высоко ценились.

Чтобы увековечить себя и войти в бессмертие, у обеспеченных горожан стало модным заказывать свои групповые портреты.

Старыгин вытянул поудобнее ноги и прикрыл глаза. Перед его мысленным взором тотчас встали две картины, хранящиеся в Эрмитаже на втором этаже в галерее Нидерландов, где всегда ужасно холодно, даже летом. Голландский художник Дирк Якобс написал две картины под одинаковым названием «Групповой портрет корпорации Амстердамских стрелков». Между ними разница в тридцать лет, а работу Рембрандта Якобс опередил в среднем лет на сто.

Обе картины очень похожи – примерно полтора десятка мужчин в одинаковой черной с белым одежде в два ряда сидят и стоят на фоне далекого и неявного пейзажа. На более поздней картине мужчин чуть больше, и все они гораздо старше. Эти две картины по композиции напоминают групповую фотографию, сделанную в доме отдыха, – все персонажи расположены в ряд и хорошо видны, только снизу никто не лег и не присел на корточки.

Такой групповой портрет воплощал представление голландцев о равенстве и справедливости – конечно, внутри закрытого для посторонних сообщества. Каждый из позировавших художнику стрелков платил за право быть увековеченным одну и ту же сумму, причем сумму довольно значительную, поэтому он имел право получить свой портрет точно так же, как и все остальные – он имел право на хорошо видный, узнаваемый, достойный образ, который будут с уважением лицецереть самые отдаленные потомки.

Старыгин отвлекся от размышлений, потому что стали разносить завтрак. Самолет принадлежал чешской авиакомпании, стало быть, и меню будет чешским. Он, в общем-то, не против, только бы не кнедлики – гордость чешской кухни. Дмитрий Алексеевич считал себя человеком некапризным, но один вид шариков из клейкого картофельного теста приводит его в уныние.

И разумеется, вот они, кнедлики, да еще и остывшие к тому же! Старыгин еле слышно застонал. Соседка не обратила на него никакого внимания, она была поглощена завтраком – не спеша раскрывала упаковки, внимательно исследуя содержимое.

Голод не тетка, так что Старыгин не заметил, как съел все. Соседка тоже кушала с большим удовольствием, и он, глядя на нее, снова вспомнил современниц Рембрандта, которые славились своим отличным аппетитом и могли есть наравне с мужчинами.

После кофе настроение немного улучшилось. Старыгин уселся поудобнее и снова закрыл глаза, чтобы без помех предаться размышлениям.

Каждый из девятнадцати членов корпорации стрелков заплатил Рембрандту по сто гульденов. Выражаясь современным языком, сумма набежала немалая. Даже на одну треть этих денег амстердамский ремесленник с семьей мог жить и кормиться около года.

Неудивительно, что, увидев готовую картину, господа стрелки были ужасно недовольны. Еще бы им удовлетвориться такой работой!

Вместо того чтобы сделать приличный групповой портрет в лучших традициях того времени, художник изобразил стрелков в пышных нарочитых костюмах, с разным оружием, в абсолютно театральных позах.

Начать с того, что фоном выбрана якобы набережная одного из каналов Амстердама, а изображенная на картине арка является аркой здания Стрелковых обществ, где по замыслу и должна была висеть картина. Но известно, что такое количество народа никак не поместилось бы на узких ступенях здания. Для чего Рембрандту понадобилось такое искажение пространства?

Далее, впереди двое мужчин – капитан с лейтенантом – мило беседуют, еще один стрелок заряжает мушкет, еще один – стреляет чуть ли не по товарищам, и пожилой стрелок в шлеме и латах отводит мушкет, чтобы не поранить лейтенанта. Копья слишком длинные, опять-таки невозможно устоять с ними на узких ступенях. Тут же барабанщик бьет в барабан вместо того, чтобы слушать капитана и ждать приказа. Слева мальчишка в шлеме несется куда-то с пустым рогом для пороха – забыл наполнить, куда уж тут в поход выступать...

Никто из искусствоведов не сомневается, что Рембрандт изначально не собирался писать портрет группы стрелков, «Ночной дозор» трактуют как историческую картину. Старыгин, со своей стороны, всегда считал картину сценой из спектакля. В самом деле – нарочитые позы участников, ступени, выглядящие как театральные подмостки, каски и латы, надетые неумело – кому-то велики, кому-то малы, костюмы сидят плохо и выглядят на некоторых персонажах снятыми с чужого плеча... Такое впечатление, что передвижная актерская труппа собралась играть спектакль. Кто-то не слишком трезв, кто-то спросонья схватил чужую шляпу, кто-то едва может удержать длинное тяжелое копьё... Можно ожидать, что в этой суматохе прогремит сейчас из-за сцены возглас: «Занавес!» и начнется действие пьесы.

Для чего художнику понадобилось изображать солидных людей в таком виде? Что это – каприз мастера? Шутка гения?

Господа стрелки решительно не хотели понимать таких шуток.

Отчего Рембрандт не ограничился девятнадцатью стрелками, а добавил еще множество людей? Например, фигуру старого барабанщика Яна ван Кампоорта на первом плане справа, который вообще был наемником и не являлся членом команды капитана Баннинга Кока. Еще какие-то люди, которые явно не платили по сто гульденов, чтобы быть увековеченными на портрете.

И самое удивительное – это фигура девочки почти в центре картины, освещенная золотым светом, в красивом платье, с жемчугом в волосах. Ее-то уж господа стрелки никак не хотели видеть в своих рядах. Кто она такая? Никто не знает. Зачем художник изобразил ее с такой тщательностью и любовью? Некоторые замечают в ее лице сходство с Саскией – первой женой Рембрандта, умершей молодой в том же году, когда была написана картина. Возможно, художник сделал ее похожей на Саскию неосознанно. На поясе у девочки висит кошелек и белый петух, по поводу которого все исследователи творчества Рембрандта дружно пожимают плечами.

Известно, что Рембрандт собрал огромную коллекцию ценных и редкостных вещей. Кроме произведений искусства в нее входили научные инструменты, дорогие старинные ткани, экзотические сосуды, останки окаменелых животных, растения, привезенные из Азии и Африки. Все эти предметы художник использовал в своей работе – одевал персонажей в необычные костюмы, драпировал ценными тканями. Но петух?

Раньше Старыгин был склонен думать, что Рембрандт руководствовался только своими творческими капризами, теперь же вполне возможно, что в картине есть своя строгая система, все персонажи важны. А вот для какой они служат цели, он обязательно узнает.

Первое, что увидел Старыгин, пройдя таможенный и паспортный контроль, – это свое имя, написанное на картонном листе крупными латинскими буквами. Картонку держала высокая девица, одетая в черные обтягивающие джинсы и кожаную курточку непонятного цвета и покроя – всю прошитую нарочито суровыми нитками.

«Наверное, это очень модно», – подумал Старыгин, с опаской приближаясь к девице и замечая, что пуговицы на курточке разного цвета и фасона.

– Добрый день! – сказал Старыгин по-английски, приблизившись и задрав голову, потому что девица вблизи оказалась выше него. – Дмитрий Старыгин – это я. А вы, очевидно, та особа, кто отвезет меня к доктору Абсту?

– Я – доктор Абст, – ответила девица низким хриловатым голосом и сняла темные очки. – Доктор Катаржина Абст. – И добавила сухо по-русски: – К вашим услугам.

Старыгин мог с первого взгляда определить довольно точно возраст картины. Более того, он мог точно определить возраст какой-нибудь женщины, изображенной на картине. Но с реальными женщинами у него такое получалось плохо. Доктор Катаржина Абст была высока, худа и немного угловата. Темные волосы подстрижены коротко, так что прилегали к голове наподобие шапочки. Очень темные вызывающие глаза и большой ярко накрашенный рот.

«Наверное все же тридцать-то ей есть, – подумал Старыгин, – не сразу же после школы она защитила диссертацию... Черт бы побрал эту косметику! Недаром есть поговорка: никогда не заглядывайтесь на женщину, только что покинувшую салон красоты, – она может оказаться вашей бабушкой!»

– Где вы так хорошо выучили русский? – задал он традиционный вопрос.

– Училась в Москве, – коротко ответила она, и он постеснялся спросить, как давно это было.

На стоянке возле аэропорта пани дождался ярко-красный дамский «Пежо».

– Если вы не устали с дороги, – бросила она Старыгину, усаживаясь в машину, – я бы хотела сразу же отвезти вас в Карловы Вары к Коврайскому.

– Это тот человек, который купил картину Свеневельта?

– Да, он, Борис Коврайский. Пан Мирослав Пешта позвонил мне вчера, и я сразу договорилась с Коврайским о встрече, чтобы не терять времени.

Это следовало трактовать таким образом, что доктор Абст – очень занятая леди и что она согласилась сопровождать Старыгина к господину Коврайскому только из хорошего отношения к Мирославу Пеште, а вовсе не из-за прекрасных глаз самого Старыгина.

«Могла бы быть полюбезнее», – обиженно подумал Старыгин, но тут же вспомнил, что Агнесса Игоревна, разговаривая с паном Пештой, ни словом не обмолвилась о том, что «Ночной дозор» оказался подделкой, и представила его, Старыгина, как сотрудника Эрмитажа, который пишет монографию о малоизвестных голландских художниках семнадцатого века. Конечно, скромный сотрудник Эрмитажа вряд ли мог заинтересовать такую экстравагантную даму, как пани Катаржина.

Он задумался и очнулся только от мелькания деревьев за окном. Машина летела по шоссе с абсолютно дикой скоростью. Старыгин кашлянул, стараясь унять неприятную дрожь в коленях.

– Не беспокойтесь, – бросила Катаржина, верно оценив его волнение, – Чехию приняли в Евросоюз только после того, как были построены отличные современные дороги.

«Утешила, нечего сказать». – Старыгин отвернулся от окна, потому что от мелькания закружилась голова.

– Вы давно водите? – поинтересовался он.

– Получила права сразу же после окончания школы, – с усмешкой ответила она, после чего ловко вписалась в поворот.

Снизить скорость она и не подумала, так что Старыгина бросило прямо на нее. Плечо, обтянутое кожей, было жестким и угловатым. Старыгин про себя окрестил доктора Абст «железной леди» и надолго замолк.

Машина свернула на подъездную аллею, обсаженную ровными рядами стройных кипарисов, и вскоре остановилась перед белыми металлическими воротами.

Над самыми воротами висела камера видеонаблюдения.

Катаржина выглянула в окошко машины и отчетливо проговорила в камеру:

– Мы договаривались с паном Коврайским!

– Прошу вас, пани Абст! – прозвучал вежливый голос из невидимого динамика, и ворота плавно разъехались.

Катаржина подъехала к самому дому.

Вблизи это строение из белого камня оказалось еще воздушнее и наряднее. На террасе перед крыльцом стоял невысокий мужчина в темных очках, джинсах и белом свитере. Вежливо улыбаясь, он шагнул навстречу гостям:

– Здравствуйте, Катаржина! Чем обязан вашему визиту?

– Познакомьтесь, Борис, – мой коллега из Эрмитажа Дмитрий Старыгин!

– Рад, рад, – хозяин чуть заметно скривился, но протянул Старыгину руку. Рука у него была маленькая и узкая, но достаточно крепкая и сильная. И сам он был как будто выточенная из дерева статуэтка – миниатюрный, но крепкий и подтянутый. Лицо Коврайского вблизи было каким-то болезненным – бледным нездоровой мучнистой бледностью, словно этот человек большую часть своей жизни провел в подвале, в отсутствие солнечного света.

– Пойдемте в дом, – пригласил Коврайский, снова слегка скривившись. – Я плохо переношу солнце!

Они вошли в просторный холл. По стенам висели старинные гравюры и офорты, в дальнем конце холла стояла резная деревянная статуя какого-то святого. Святой стоял, сгорбившись, и смотрел на вошедших из-под руки, словно пытался припомнить, видел ли он их прежде.

Хозяин повернул голову в ожидании, и тут же рядом с ним возник человек в черном костюме.

– Накрой чай в восточной галерее! – распорядился хозяин и снова повернулся к гостям: – Так, извините, я не расслышал – чем я обязан удовольствию вашего визита?

– А мы пока и не говорили, – вступил в разговор Старыгин. – Дело в том, что я пишу монографию о голландских художниках семнадцатого века и очень хотел осмотреть ваше «Прощание Гектора с Андромахой» ван Свеневельта...

Хозяин скривился еще больше и повернулся к Катаржине:

– Разве вы не в курсе, Катаржина? Меня не так давно обворовали! Украли как раз эту картину и еще две, поменьше, – ван Сванельта и Саардикстру.

– Боже! – воскликнула доктор Абст, и голос ее от волнения стал еще ниже. – Те самые картины, что я помогла вам купить на прошлом аукционе! Я ничего об этом не слышала... Наверное, это произошло как раз в то время, когда я уезжала в Шотландию...

– Надо же, какая незадача! – разочарованно проговорил Старыгин. – Выходит, я зря сюда прилетел!

– Не зря, – Коврайский усмехнулся. – Благодаря вам пани Катаржина вспомнила о моем существовании!

Старыгин успел перехватить взгляд, которым доктор Абст наградила Коврайского за это замечание. Темные глаза на миг сверкнули, в них появился огонек интереса, но тотчас потух, и глаза снова стали непроницаемы.

– Могу я узнать, как это случилось? – поинтересовался Дмитрий Алексеевич, оглядевшись по сторонам. – Ведь у вас, как я вижу, хорошая система сигнализации и охрана...

– Действовали настоящие профессионалы, – довольно равнодушно ответил хозяин. – А против профессионалов никакие замки и никакая сигнализация не помогут. Правда, меня удивляет – зачем людям такого уровня понадобилось красть не слишком дорогие картины? Вряд ли их хлопоты окупилась!

Старыгин промолчал.

У него было вполне сложившееся мнение на этот счет: картина Свенефельта понадобилась злоумышленникам из-за своего размера, для того чтобы сделать на ней поддельный «Дозор», а две другие, скорее всего, похитили для отвода глаз.

Однако поделить свою версию Дмитрий Алексеевич не мог ни с Катаржиной, ни тем более с владельцем похищенных полотен. По крайней мере, сейчас.

За чаем разговор шел об искусстве. Хозяин выказал нешуточную осведомленность о последнем событии в Эрмитаже. В прессе много писали о повреждении знаменитой картины Рембрандта. Пани Катаржина тоже задавала вопросы по существу. Старыгин ловко ушел от расставленных ловушек и перевел разговор на отвлеченную тему. Хозяин не предложил осмотреть свою галерею, мотивируя это тем, что там сейчас идет ремонт – меняют сигнализацию.

Простились в холле, молчаливый человек в черном костюме вышел проводить их до машины. Напротив террасы на солнечной лужайке, на большой круглой клумбе расцвели весенние цветы – желтые нарциссы, лиловые крокусы, что-то еще... Немолодой садовник распрямил спину и поклонился гостям. Слугу в черном позвали из дома, пани Катаржина остановилась и заговорила с садовником по-чешски. Он улыбнулся и отвечал очень дружелюбно и без подобострастия. Дмитрий Алексеевич ничего не понял из их разговора, потому что говорили они быстро и вполголоса.

Слуга вернулся, извинившись, и они продолжали путь к воротам. Старыгин удрученно молчал. След оборвался. Ему нечего будет сказать Агнессе Игоревне сегодня вечером по телефону.

– Просто удивительно, – сказал он, вовремя спохватившись, чтобы не сопроводить слова тяжким вздохом, – при такой сильной охране – и вдруг кража! Господин Коврайский, моему, слишком спокойно все воспринимает... И даже не сказал, когда это случилось – не так давно, ну надо же!

– Именно об этом я сейчас говорила с садовником, – спокойно ответила Катаржина. – Видите ли, это пан Воржичек, мой старинный знакомый. Раньше он работал садовником в замке Карлштайн, а я там подрабатывала летом, будучи студенткой...

Старыгин снова отметил, что его спутница не сказала, как давно это было.

– Пан Воржичек многого не знает, – продолжала Катаржина, – но слуги болтали, что сигнализацию кто-то отключил. Причем очень быстро и тихо. Полицию, конечно, вызывали, но хозяин просил не поднимать шума – дескать, картины не слишком ценные и он не хочет, чтобы его репутация пострадала.

– Но садовник хотя бы помнит, когда это случилось? – Старыгин не сумел скрыть досаду. – Из беседы с хозяином у меня сложилось такое впечатление, что ему все равно.

– Три месяца назад, после Нового года, – ответила пани доктор и добавила, усмехнувшись: – Если вам нужна точная дата, можно выяснить в полиции.

– Стало быть, ограбил кто-то из людей приближенных, входящих в дом? – быстро задал следующий вопрос Старыгин.

Хозяин дома показался ему весьма скользким типом, и вполне возможен такой вариант, что он сам имитировал кражу. Чтобы в случае чего быстро откреститься – украли, мол, картину, и он понятия не имеет, где она сейчас находится.

– Код сигнализации знают всего несколько человек, – продолжала доктор Абст, – все они вне подозрения. Как вы, наверное, заметили, господин Коврайский – весьма оригинальная личность. Он живет очень уединенно и редко выбирается из дома. Терпеть не может шумные компании и яркий свет. Однако до кражи его весьма часто навещала какая-то дама, так что даже садовник это заметил. Потом она пропала, просто исчезла. То есть больше он ее не видел.

– Дама? Может, он знает, кто она такая? – встрепнулся Старыгин.

Глаза Катаржины блеснули неподдельным интересом, но Старыгин этого не заметил.

– Русская. Полная, очень белокожая блондинка, – ответила она с нескрываемым ехидством. – Имени и адреса своего она, к сожалению, садовнику не оставила...

Старыгин наконец сообразил прекратить расспросы, которые выглядели по меньшей мере странно.

– Сколько раз я тебе говорила про кофе! – Алиса швырнула чашку на ковер и с удовольствием проследила за тем, как коричневое пятно расплзлось по светло-бежевой поверхности.

– Что про кофе? – испуганно переспросила горничная.

– Что про кофе! – передразнила ее хозяйка. – Не делай вид, что ты еще глупее, чем кажешься! Я тебе сто раз говорила, что кофе должен быть горячим! Горячим! Ты это слово понимаешь? Или тебе нужно показать его в словаре?

– Он был горячий... – робко возразила горничная.

– Так ты еще будешь со мной спорить? – взвизгнула Алиса и запустила в строптивую девчонку тарелкой.

– Нет, Алиса Васильевна, – проговорила та, увернувшись. – Не буду...

– Еще раз такое повторится – и можешь считать себя уволенной!

На самом деле кофе был вполне сносный, но Лика Сарычева, большой авторитет по части отношений с прислугой, говорила, что время от времени непременно нужно закатывать скандалы, иначе горничные распускаются и садятся хозяевам на шею. Допустить такого Алиса не хотела, поэтому решила начать день с воспитательного скандала.

– Долго я буду ждать свой кофе? – проговорила она умиротворенным голосом.

Горничная метнулась к двери, но прежде чем она скрылась, Алиса добавила:

– И пятно на ковре не забудь отчистить!

Алиса облегченно перевела дыхание. Все-таки воспитательная работа очень утомительна!

Дверь малой столовой снова распахнулась.

Алиса удивленно подумала, что горничная уже несет кофе взамен вылитого, но это была Анфиса. Остановившись, как всегда, с дебильным видом, она сложила руки на животе и сообщила:

– Алиса Васильевна, к вам господин Крество... Крестовоздвиженский!

С гордостью выговорив такую сложную фамилию, она застыла, как египетская мумия.

Алиса подскочила: ведь сегодня и вправду должен был приехать какой-то музейный таракан по поводу той новой статуэтки! Его тоже удалось раздобыть через Лику, у Сарычевой просто немыслимое количество знакомых!

– Проси, – милостиво разрешила Алиса.

В столовую колобочком вкатился кругленький седенький старичок с младенчески розовым лицом и длинными, лихо закрученными усами. Алиса поднялась и сделала несколько шагов ему навстречу: как-никак старик – какая-то большая величина в своем музейном мире...

– Здравствуйте, Иван... Фиолетович! – произнесла она тоном царственной особы, принимающей иностранного посла.

– Филаретович, душечка, Филаретович! – поправил ее старикан.

– Ах, извините, – светским тоном протянула Алиса. – Я всегда путаю эти иностранные имена!

– А это имя самое что ни на есть русское! – пропыхтел старик, озираясь по сторонам.

– Да что вы? Никогда бы не подумала! Хотите кофе? Или, может быть, чаю?

– Да нет, душечка, работа есть работа, никогда не смешиваю разные жанры! Где у вас тот... предмет, о котором вы хотели узнать мое мнение?

– Ну, пойдете тогда в библиотеку! – Алиса проследовала к дверям и сделала въедливому старику приглашающий жест.

Библиотекой Алиса гордилась. Здесь у нее были собраны всевозможные редкости, в основном – с подачи той же Лики Сарычевой. Четыре огромных шкафа были снизу доверху заполнены книгами в красивых кожаных переплетах (куплены по случаю у какого-то профессора), по стенам красовались картины русских художников, на каминной полке стояли две бирюзовые китайские вазы. Здесь же Алиса пристроила ту самую статуэтку, из-за которой пришлось пригласить музейного старичка.

Дело в том, что статуэтку Алиса купила у одного знакомого, и когда Лика ее увидела, сразу начала кричать, что Алису обманули, подсунили фальшивку, новодел. Ну да – разобиделась, конечно, что Алиса проявила самостоятельность, что-то купила сама, не через Лику!

Но статуэтка Алисе очень нравилась, и тогда Лика предложила прислать этого старичка, который прекрасно разбирается во всех старых цацках. Если он скажет, что новодел – значит, и правда...

– Вот эта вещица! – протянула Алиса, указывая на небольшую терракотовую статуэтку – женскую фигурку в свободных греческих одеждах...

Старичок осторожно взял статуэтку в руки, поправил очки, внимательно пригляделся.

– Что скажете? – осведомилась Алиса.

– А что вы хотите услышать? – отозвался старичок, поставив статуэтку на место. – Как вам это продали?

– Как Грецию, первый век до нашей эры...

– Ну, насчет того, что Греция – вас не обманули...

– Ой, правда? – обрадовалась Алиса. Она представила, как утрет нос этой задавке Лике.

– А вот насчет возраста – тут вам немножко приврали.

– Что – не первый век? – разочарованно протянула Алиса.

– Не первый, – старичок развел руками. – Не могу вас вводить в заблуждение!

– А какой?

– Двадцать первый, душечка!

– Двадцать первый? – изумленно выдохнула Алиса. – Двадцать первый век до нашей эры?

– Почему же – до? Двадцать первый век христианского летоисчисления, то есть наши с вами дни... хотя, впрочем, я уже давно чувствую себя обломком прошлого... в некотором смысле – антиквариатом!

– Вы уверены? – переспросила Алиса.

– Конечно, душечка! – старичок погладил ее по руке. – Конечно, уверен! В сувенирных лавках Пирея такие статуэтки продаются по десять евро...

– Ах он мерзавец! – выдохнула Алиса. – Клялся, что контрабандой вывез ее из Греции, купил на раскопках...

– Из Греции уже сто лет ничего такого не вывозят! – проговорил Иван Филаретович. – Да вы не расстраивайтесь так! С кем не бывает! Зато ван Сванельт у вас очень хороший!

– Кто? – удивленно переспросила Алиса.

– Ван Сванельт, голландский художник середины девятнадцатого века. – Старичок подошел к картине в массивной золоченой раме, внимательно посмотрел на нее. – И Саардикстра тоже очень приличный...

– Вы что-то путаете! – сухо проговорила хозяйка. – Это Творогов, русский художник-передвижник...

– Да нет, деточка! – Иван Филаретович улыбнулся детской лучезарной улыбкой. – Вот это – Густав ван Сванельт, а это – Саардикстра...

– Что вы такое говорите! – возмущенно выпалила Алиса. – Это Евлампий Творогов! Вот же, подпись его в углу! Эта картина называется «Амбар», а эта – «Пейзаж с рожном»... Между прочим, по сто тысяч за каждую выложила!

– Деточка, – старичок надулся, – насчет того, что я ошибаюсь – это вы зря, я как раз по голландской живописи специализируюсь! А как раз эти картины не так давно видел, они на аукционе проходили...

– А как же подпись?

– Да вам любой студент из Академии художеств за пять минут любую подпись изобразит!

Почувствовав перемену в настроении хозяйки, Иван Филаретович добавил:

– Да что вы так расстраиваетесь? Сванельт и Саардикстра – очень хорошие художники, куда лучше вашего Творогова!

– Да? – раздраженно выдавила Алиса. – Голландцы и всякие шведы по пять-шесть тысяч евро идут, а русские передвижники – по сто – сто пятьдесят! Я же вам говорю – за эти по сто тысяч выложила! Да вы ничего не путаете?

– Деточка, – Иван Филаретович скривился, как ребенок, которому вместо конфеты подсунули рыбий жир, – ну сколько же можно! Я ведь вам сказал – эта вот картина – Густав ван Сванельт, называется «Старый амбар», выполнена между восьмьюсот восьмидесятым и восьмидесятым пятым годом, а эта – Яан Саардикстра, «Пейзаж с мельницей»...

– Ага! – радостно воскликнула Алиса. – Вот видите! Какой же это пейзаж с мельницей? Где тут мельница, где?

– Вот тут была мельница, в правом углу! – старичок ткнул в холст дужкой очков. – Видите, она записана, причем не очень аккуратно... Видно, что человек торопился...

– Торопился! – как горное эхо, повторила Алиса. – Ну да, Лика говорила, что хозяин уезжает в Мексику и покупать надо быстрее... Ах она сволочь!

– Я же вам говорю, – не унимался Иван Филаретович, – я эти картины хорошо знаю, я их оценивал для того аукциона...

– И во что вы их оценили?

– Сванельта в семь тысяч, Саардикстру – в пять с половиной... но это начальная цена, ушли они немножко дороже...

– Ах она мерзавка! – Алиса скрипнула зубами. – Так кинуть подругу! Ну я ей это припомню!

– Не волнуйтесь так, душечка! – Старичок погладил Алису по руке. – Волнения плохо сказываются на цвете лица!

Едва проводив Ивана Филаретовича, Алиса позвонила Лике.

– Ну что, – защebetала та, едва на ее мобильнике высветился номер Алисы, – что тебе сказал этот старый таракан? Ведь статуэтка фальшивая, да?

– Фальшивая, – сквозь зубы процедила Алиса.

– А я тебе говорила, говорила! – радостно заверещала Сарычева. – Нечего у случайных людей покупать! Если бы ты имела дело только с проверенными людьми, никогда бы не нарвалась...

– С проверенными? – повторила Алиса. – То есть с тобой?

– Ну, хотя бы и со мной... а почему нет?

– Ты еще спрашиваешь?

До Лики наконец дошло, что с подругой что-то не так.

– А что случилось-то?
– Этот твой старичок – он что, крутой спец?
– Круче не бывает! Ты же меня знаешь – фуфла не держим!
– Так вот, этот твой крутой спец однозначно мне сказал, что тот передвижник, которого ты мне толкнула, никакой не передвижник!
– То есть как – не передвижник? Я тебя не понимаю!
– Все ты понимаешь! – Алиса перешла на визг. – Лажу ты мне подсунула, вот что!
– Что – Филаретыч сказал, что Творогов – фальшивка?
– Хуже! Фальшивка – это бы еще полбеда! С кем не бывает... Твой Фиолетыч мне однозначно сказал, что это никакой не Творогов, а два каких-то тусклых голландца! А кому они нужны, твои голландцы?

– Стой! – перебила ее Лика. – Во-первых, голландцы не мои... их сама Выпетовская продавала! А Выпетовская – большой человек, ты знаешь! Во-вторых...

– Не будет никакого «во-вторых»! Не будет никакого «в-третьих»! Я от тебя мокрого места не оставлю, если ты вопрос не разрешишь! Даю срок до завтра!

Лика Сарычева помрачнела.

Она знала Алису не первый год и не сомневалась: если та грозит с ней разделаться – она это сделает.

Алиса Прытко была женщина самостоятельная.

Она своими руками создала свой бизнес, сделала его процветающим и рентабельным, сама смела с дороги многочисленных конкурентов и дала понять остальным, что лучше не становиться у нее на пути.

В известной рекламе зубной пасты утверждают, что нормой для человека являются тридцать два зуба. У Алисы их было не меньше пятидесяти, и все – острые, как у акулы. Деловые знакомые – из тех, что не стояли на ее пути – обычно и называли ее Акула Прытко. Или просто Мадам Акула. Разумеется, только за глаза.

Притом, что бизнес у нее был самый что ни на есть мирный.

Алиса торговала памперсами.

Естественно, она не стояла с ними на рынке. Она закупала эти необходимые каждому современному младенцу предметы вагонами и кораблями, на нее работали крупнейшие производители Европы, Америки и Юго-Восточной Азии. Кроме того, у нее был собственный завод в Тверской области, выпускавший миллион памперсов в сутки.

Короче, Алиса была монополистом на этом рынке.

Пару лет назад один бойкий сибирский бизнесмен пытался конкурировать с Акулой, но кончилось это печально. Разумеется, для него. Однажды, чудесным весенним вечером, возвращаясь с удачно проведенных переговоров и находясь по этому поводу в превосходном настроении, темпераментный сибиряк посадил в свою машину симпатичную миниатюрную блондинку с трогательными голубыми глазами. Поднявшись в квартиру сибиряка, блондинка, вместо того чтобы приятно провести с ним вечер, так отделала злосчастного бизнесмена, что он провел в больницах и санаториях почти полгода и даже после этого заикался и вздрагивал при виде любой женщины. Естественно, в бизнесе ему больше нечего было делать.

– Короче, – проговорила Алиса холодным, не оставляющим никаких сомнений голосом, – разбирайся как хочешь со своей Выпетовской, но чтобы деньги мне вернула!

Лика хотела возразить, что Выпетовская – вовсе не ее, но возражать было некому: Алиса уже повесила трубку.

На одной из линий Васильевского острова, в старом, давно нуждающемся в ремонте доме с плохо сохранившимися располневшими кариатидами на фронтоне, был антикварный магазин. Он вовсе не был шикарным заведением с огромными зеркальными витринами, через кото-

рые виднеются ампи́рные мебельные гарнитуры (пара-тройка вещей настоящие, остальное – откровенный новодел, изготовленный в Подмоскowie), бронзовые лампы и картины в пышных золотых рамах. У дверей таких магазинов стоит обычно солидный немолодой швейцар в маскарадной форме с золотыми галунами, а внутри встречают редких посетителей предупредительные продавцы с вкрадчивыми голосами и профессиональными ласковыми улыбками.

Этот магазин скорее можно было назвать магазинчиком, он занимал полуподвальный этаж. Вошедший попадал в маленькое, тесно заставленное помещение, тут была разномастная, разрозненная мебель, светильники, стены завешаны картинами, которых никто не покупал. В витрине выложены довольно безвкусные безделушки и столовое серебро – все в розницу.

Прошли девяностые годы прошлого века, годы, благословенные для торговцев антиквариатом, когда оголодавшие старушки «из бывших» несли продавать остатки фамильных вещей. Тогда ловкий антиквар без комплексов и моральных устоев в короткий срок мог составить настоящее состояние. Теперь же скучающие продавцы в течение долгого рабочего дня с грустью смотрят в окно или стирают пыль с выставленных вещей.

В магазине на Васильевском все было внешне так же, как в десятках подобных заведений. Однако сведущие люди знали, что самое главное происходит не в салоне, на виду у случайных людей, а сзади, в кабинете владелицы магазина Александры Выпетовской. Туда приходили к ней нужные люди и серьезные заказчики, туда приносили тщательно упакованные свертки и таинственные пакеты, там происходили переговоры, а в особых случаях к важным и богатым клиентам мадам Выпетовская ездила сама.

Вообще-то мадам редко можно было застать в кабинете – она вела активный образ жизни, много ездила по аукционам и картинным галереям, встречалась с известными экспертами и музейными работниками. Дела у нее шли отлично, ее знали не только в Петербурге, но и в Москве, считалось модным и престижным покупать картины именно у нее, мадам Выпетовская сумела создать репутацию и зарекомендовать себя на антикварном и художественном рынке.

Ли́ка Сарычева притормозила и привычно чертыхнулась: на узкой улице негде было припарковать машину. Нужно было заезжать во двор магазина или отъехать два квартала до стоянки. Ли́ка махнула рукой и припарковалась в тупичке возле ворот, проигнорировав запрещающую табличку.

В магазине, как всегда, было мало народу. Молодой продавец с успехом продавал двум школьницам серебряную цепочку турецкого производства как старинную и краем глаза присматривал за скромно одетой женщиной средних лет, которая выбрала изящную жардиньерку и теперь прикидывала мысленно, как будет смотреться на ней горшок с фуксией.

Ли́ка с налету проскочила небольшое помещение, продавец и ухом не повел – он хорошо ее знал. Однако у двери в святая святых сидел крепкий мужчина в хорошо сидящем костюме с достаточно приятным выражением лица. Присутствие в качестве охранника обычного мордворота с сажеными плечами и крошечной, постепенно отсыхающей за ненадобностью головой перед своим кабинетом мадам Выпетовская считала неуместным.

– Вам назначено? – Охранник приподнялся со стула.

– Мне срочно! – Голос у Ли́ки прерывался от волнения, глаза глядели дико, волосы растрепались – Алиса Прытко кого угодно доведет до нервного срыва.

На лице охранника промелькнуло сомнение – с одной стороны, Ли́ку он знал, поскольку видел достаточно часто. Ли́ка была посредником – весьма полезным для мадам Выпетовской человеком. Среди клиентов она была своя – посещала те же салоны красоты, те же фитнес-центры, рестораны и клубы, была завсегдатаем всевозможных модных тусовок и закрытых вечеринок. Страшно общительная, она быстро сходилась с незнакомыми людьми, хотя в тех кругах, где она вертелась, все были хотя бы шапочно знакомы. Ли́ка быстро заводила подруг, напрашивалась вроде бы случайно в гости, а придя в дом, начинала расхваливать интерьер и вкус хозяйки.

– Все прекрасно, – говорила она. – Все подобрано с таким вкусом! Но вот тут я бы, пожалуй, повесила какой-нибудь пейзаж. А вот здесь – поставила лампу. Или бронзовую статуэтку. Или несколько фигурок из фарфора...

Хозяйка тут же увлеклась плодотворной идеей, а Лика предлагала свои услуги, то есть попросту сводила ее с мадам Выпетовской. За это та платила Лике приличный процент с каждой проданной вещи.

Правда, в последнее время Лика решила, что этот процент – слишком скромная награда за ее труды и способности и начала приторговывать на собственный страх и риск.

– Я доложу... – неуверенно произнес охранник.

– Да что там докладывать! – Хрупкая, субличная Лика оттолкнула охранника и ворвалась в кабинет.

Правильнее было бы сказать кабинетик – небольшое, очень скромно обставленное помещение – стол из обычного ореха, а вовсе не ослепительной карельской березы, стеллаж и вовсе простой, заполненный солидными немецкими каталогами и альбомами по живописи. На стене против стола висел не Шишкин и не Айвазовский, а картина когда-то маститого советского художника, вышедшего нынче из моды едва ли не навсегда – крупная краснощекая девочка в бумажейной рубашке и синих сатиновых шароварах смотрит в распахнутое окно с улыбкой, полной идиотического оптимизма. За окном, как водится, полыхает куст неизбежной сирени. Называлась эта оптимистическая картина не то «Утро в Подмосковье», не то «Рассвет на Клязьме», а может, и вовсе «Заре навстречу».

Кабинет не производил на посетителей особого впечатления, большое впечатление производила сама мадам Выпетовская – крупная шатенка всегда в строгих английских костюмах. Волосы – длинные и густые – были закручены в тяжелый гладкий узел, узкие губы едва тронуты розовой помадой. Особенно обращали на себя внимание глаза мадам Выпетовской. Глаза эти могли глядеть на мир и на то, что перед ними, совершенно по-разному, в зависимости от обстоятельств.

Богатым клиентам мадам смотрела прямо в лицо честными прямодушными глазами. Конкурентам вежливо улыбалась, при этом в глазах проявлялись твердость и несгибаемое упорство, и бывали случаи, когда человек, поглядев в глаза мадам, считал благоразумным уйти с ее дороги без боя.

На свой обслуживающий персонал мадам вроде бы вообще не глядела, однако прекрасно знала, кто и чем в данный момент занимается. Ее боялись.

Лика влетела в кабинет и без разрешения опустилась на стул, оттого, что ноги ее не держали. Мадам говорила по телефону, отвернувшись от двери, быстро закончила разговор и взглянула на Лику. Глаза ее глядели сурово.

– Ну? – спросила она, не утруждая себя приветствием – они с Ликой были старые знакомые и незачем было изображать вежливость, которую можно приберечь для клиентов.

– Ты еще спрашиваешь! – накинулась на нее Лика, порывисто вскочив с венского стула. – Ты еще имеешь наглость делать вид, что ничего не случилось!

– Короче, – приказала Александра Николаевна, – мое время стоит дорого.

Этой фразой она хотела поставить Лику на место, но добилась обратного результата. Лика взяла себя в руки, оглянулась на дверь, подошла совсем близко к столу и процедила:

– Дорого? Конечно, дорого! А мне оно вообще обошлось в кругленькую сумму!

– О чем это ты? – процедила Выпетовская. В глазах ее, однако, мелькнуло беспокойство.

– Те две картины, ранний Евлампий Творогов, как ты мне говорила, – они откуда?

– Что значит – откуда? – Выпетовская откинулась на стуле. – В честь чего это я должна давать тебе отчет, откуда я беру вещи на продажу? Будь спокойна – это подлинный Творогов, эксперт из Русского музея подтвердил!

– Не знаю ничего про твоего эксперта, может, он полный болван, а может, ты его подкупила, но только ты мне продала вместо Творогова двух гребаных голландцев! – Лика помахала мятой бумажкой, где были записаны фамилии со слов Алисы Прытко, естественно, немилосердно перевернутые.

– Чушь! – Выпетовская и бровью не повела. – Ты ничего не понимаешь в живописи, а берешься судить!

– Кабы я, – злорадно рассмеялась Лика, – если бы я разбиралась в живописи, я бы к тебе и близко не подошла! Картины авторитетный человек опознал! Из Эрмитажа!

– Кто? – отрывисто спросила мадам, прикрыв глаза веками, чтобы не показать интенсивную работу мысли.

– Крестовоздвиженский! – выбросила Лика свой козырь.

Мадам сжала кулаки – имя Ивана Филаретовича Крестовоздвиженского ей было хорошо знакомо. Старик являлся глубочайшим знатоком в своей области и славился тем, что никогда не ошибается.

– А ты знаешь, что я продала эти чертовы картины Алисе Прытко! – вскричала Лика со слезой в голосе. – Картины ценой по пять тысяч каждая я продала ей за сто!

– Вот как? – Выпетовская подняла тщательно выщипанные брови. – А у меня ты их купила по восемьдесят. Захотела свой гешефт сделать – вот и получила!

– Ах ты стерва! – Лика попыталась выцарапать Выпетовской глаза, но через стол это оказалось трудновато.

– В общем так, – мадам встала и в упор поглядела на Лику, – я знать не знаю никакой Алисы Прытко. В жизни ее не видела и даже имени ее не знаю. Если бы ты меня с ней напрямую свела – тогда другое дело. Ты же сама захотела иметь с ней дело, а жадность, как известно, до добра не доводит.

– Забери картины назад и верни деньги!

– И не подумаю. – Выпетовская была тверда, как гранитная скала. – Что сделано, то сделано. В следующий раз будешь знать свое место. Твое дело – свести меня с клиентом и получить потом свой процент. Ты же решила подзаработать самостоятельно. А для этого, милая, нужны мозги и характер. Не твои, дорогуша, мозги и не твой характер! Ты же умеешь только по парикмахерским да косметическим салонам болтаться, так что поделом тебе...

– Но я же брала те картины у тебя!

– А кто об этом знает? – холодно возразила мадам. – Договора никакого мы с тобой не оформляли, так ведь? Так что я, дорогуша, ничего подтверждать не стану. Так что иди себе по-хорошему, пока я Валентина не крикнула.

– Ах ты! – Лика зашипела от возмущения. – Ну смотри! Деньги Алисе я отдам, что уж теперь делать. Но и тебе так просто это с рук не сойдет. Говоришь, мозгов у меня нету и характер не тот? Ничего, как-нибудь и с такими мозгами проживу! Еще посмотрим, кто из нас будет смеяться последним! Думаешь, молчать про это буду? Всех знакомых сегодня же обзвоню, всех предупрежу, что твои картины – поддельные. Экспертов найду настоящих! Не твоих, на корню купленных, которые любую мазню за Айвазовского подпишут! Вот и пускай они с тобой разбираются! Там такие люди в клиентах ходят – это не то что со мной, они тебя мигом в порошок от запора сотрут! Ты их за лохов держала, думала – не догадаются, так теперь посмотрим, кто из нас лох!

– Что-о? – Мадам вскочила, с грохотом опрокинув стул. – Да я тебя... да я тебе...

Но Лика уже выскочила из кабинета, вихрем пронеслась мимо охранника и оказалась на улице как раз в тот момент, когда возле ее машины остановился мусоровоз, которому надо было попасть за ворота. Понукаемая грозными криками водителя, Лика мигом рванула с места, и охранник Валентин, которому Выпетовская приказала задержать Лику, ничего не успел сделать.

На вернувшегося охранника Выпетовская посмотрела такими глазами, что он решил после окончания рабочего дня купить газету с вакансиями, поскольку дело идет к тому, что эту работу он потеряет. Одним выразительным движением бровей хозяйка велела ему закрыть дверь, а сама углубилась в раздумья. Поскольку женщина она была деловая, раздумья эти продолжались ровно пять минут, после чего она вызвала по телефону нужного человека и велела охраннику никого не пускать во время важного разговора.

Доверенный человек имел польскую фамилию Пшибышевский и длинную биографию, косвенно связанную с искусством. Когда-то давно он учился в Академии художеств, правда, его выперли оттуда со второго курса, что, однако, дало ему право считать себя человеком, разбирающимся в живописи. Действительно, кое-какие познания у него были, а также он обладал обширными знакомствами в нужной области, то есть если требовалось изобразить нужную подпись либо же записать кое-что на картине или слегка переделать – у Пшибышевского всегда был в запасе нужный специалист, который не станет болтать и задавать лишних вопросов. Внешность Пшибышевский имел самую заурядную – небольшого роста, очень подвижный типчик с маленькими бегающими глазками и едва заметной плешкой на затылке – величиной со старую пятикопеечную монету.

– Приветствую, Александра Николаевна! – разлетелся он с порога по-польски галантно, но тут же встретился с ней взглядом и остановился посередине комнаты, как будто наткнулся на невидимую, но непреодолимую преграду.

– Ты откуда те картины взял – месяц назад, помнишь двух голландцев?

Она спросила вроде бы спокойно, но у Пшибышевского сильно потяжелело на сердце.

– Александра Николаевна, дорогая! – забормотал он. – Так ведь не в первый же раз! Датчанина того помните? Удачно за Киселева сошел, Васильева две картины из кого сделали? Шведа одного я нашел, вот фамилию запомнил...

– Все ты помнишь... – процедила Выпетовская, – не придуривайся. Склероз при твоей профессии – непозволительная роскошь.

Ее собеседник понял, что дело серьезное и что мадам крайне обеспокоена.

– И нечего мне тут вечер воспоминаний устраивать! – Мадам повысила голос: – Сама знаю, что делаю!

– Да в чем проблема-то? – встревоженно спросил Пшибышевский. – Ну, достал я их по случаю...

– Ты говорил, что купил их по дешевке у одной старушки, так?

– Ну так... – Глаза Пшибышевского забегали, но тут же остановились, прикованные к ледяному взгляду мадам.

– Лучше скажи все как есть... – с угрозой в голосе проговорила Выпетовская.

Пшибышевский и сам понимал, что лучше будет, если он все расскажет, но он так привык врать и жульничать, что душа его бурно сопротивлялась правдивому рассказу. Несмотря на оставшуюся от польских предков галантность и увертливость, Пшибышевский держался твердо.

Они знакомы несколько лет, и никогда еще у мадам не было повода быть им недовольным. Он никогда не подводил мадам Выпетовскую ни в сроках, ни в качестве поставляемых картин. Надо отдать мадам должное, она тоже никогда не подводила его с деньгами. Но он же не спрашивает, за сколько она продала хотя бы тех двух голландцев, хотя ему лично она заплатила по десять тысяч за картину. А ведь всем известно, что он имеет доброе и мягкое сердце, что, согласитесь, в наше время не каждый может себе позволить. Особенно в их непростом и психологическом бизнесе. Да и он тоже кроме убытков ничего от своего мягкого характера не получает, потому что больше половины денег он отдал тем людям, что предложили ему картину.

Тут Пшибышевский здорово приврал, потому что в свое время и польстился-то на сомнительную сделку только потому, что продали ему те картины совершенно по дешевке.

– Короче! – рявкнула потерявшая терпение Александра Николаевна так, что в коридоре возле кабинета охранник покрутил головой и поежился. – Ближе к делу!

Поминутно запинаясь, кашляя и отводя глаза в сторону, Пшибышевский сообщил, что картины эти предложили ему одни такие... в общем, шустрые молодые люди, с которыми он некоторое время близко и плодотворно сотрудничает. Парни, в общем, не слишком хорошо разбираются в искусстве, зато имеют практическую сметку и изобретательность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.